

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателя два политико-философских произведения Цицерона – «О государстве» и «О законах» служат превосходным образцом римской прозы и содержат изложение теорий государства и права античной Греции и Рима. Они написаны как диалоги, т. е. беседы: диалог «О государстве» ведут Сципион Африканский Младший и его друзья, члены так называемого «Сципионовского кружка»; диалог «О законах» ведут сам автор, Марк Цицерон, его брат Квинт Цицерон и Тит Помпоний Аттик.

Эти сочинения Цицерона, в свое время имевшие также и политическую направленность, оказали большое влияние на писателей эпохи раннего христианства, на писателей и ученых эпохи Возрождения и на французских просветителей (например, на «Дух законов» Монтескье). Оба диалога представляют собой выдающиеся памятники мировой культуры.

Комментарий к диалогам содержит вводную статью и примечания^[1].

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН (106–43)

[1] Перевод с латинского сделан по изданиям: диалог «О государстве»: M. Tulhus Cicero. De re publica. Bibliotheca Teubneriana (K. Ziegler). Lipsiae, 1958; M. Tullius Cicero. Vom Gemeinwesen. Lateinisch und deutsch (K. Büchner). Zürich, 1960; диалог «О законах»: Ciceron. Traite des bis. Texte etabli et traduit par G. de Plmval. Collection Bude. Paris, 1958.

В примечаниях ссылки на античную литературу даются по параграфам; хронологические даты – до нашей эры. Стихи переведены В. О. Горенштейном, кроме случаев, оговоренных особо. При ссылках на письма Цицерона указывается, помимо общепринятых данных, номер письма по изданию: М. Туллий Цицерон. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна, т. НИ. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949–1951.

Примечания И. Н. Веселовского обозначены его инициалами (И. В.).

Диалог «О государстве» был издан в переводе и с примечаниями Б. П. Яблонко (Баку, 1928), «Сновидение Сципиона» («О государстве», VI, 9–29) – в переводе А. Шарбе (Казань, 1853) и в переводе Ф. А. Петровского (Москва, 1917). Диалог «О законах» выходит в переводе на русский язык впервые.

О ГОСУДАРСТВЕ[1]

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

[Если бы предки наши не ставили блага государства превыше всего, то Марк Камилл не] избавил бы Рима от нашествия [галлов, Маний Курий, Гай Фабриций и Тиберий Корунканий не спасли бы его от нападения Пирра,] (1,1) Гай Дуелий[2], Авл Атилий[3] и Луций Метелл[4] – от ужаса, который Риму внушал Карфаген, а двое Сципионов[5] кровью своей не потушили бы начинавшегося пожара второй пунической войны, Квинт Максим[6] не добился бы перелома в военных действиях, когда они возобновились после увеличения сил врага, Марк Марцелл[7] не сломил бы противника, а Публий Африканский[8] не перенес бы войны в стены вражеских городов, отбросив ее от ворот нашего города.

Далее, Марку Катону[9], человеку малоизвестному и новому[10], который всем нам, проявляющим такие же стремления, как бы подает пример настойчивости и доблести, право, было дозволено наслаждаться досугом[11] в Туекуле, здоровой местности близ Рима; но он, человек безрассудный, как думает кое-кто[12], предпочел, хотя его и не заставляла необходимость, до глубокой старости носиться по волнам в бури[13], а не вести приятнейшую жизнь в тишине и на досуге. Не говорю уже о бесчисленном множестве мужей, из которых каждый служил благу нашего государства; о тех кто [не] забыт нашим поколением, я упоминать не стану, дабы никто не мог посетовать на то, что я пропустил его или кого-нибудь из его родных. Утверждаю одно: природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно[14] и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга.

(II, 2) Но отличаться доблестью, словно это какая-то наука, не достаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение – управление государством и совершение на деле, а не на словах,

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 8

всего того, о чем кое-кто твердит в своих углах. Ведь философы не говорят ничего такого (я имею в виду то, что говорится действительно по справедливости и чести), что не было бы создано и подтверждено людьми, составлявшими законы для гражданских общин. И в самом деле, откуда возникло понятие о долге и кем была создана религия? Откуда появилось право народов[15] и даже наше право, называемое гражданским, откуда правосудие, верность, справедливость? Отуда добросовестность, воздержность, отвращение к позорным поступкам, стремление к похвалам и почету? Откуда стойкость в трудах и опасностях? Да ведь все это исходит от тех людей, которые,

когда ато благодаря философским учениям сложилось, обычаями подтвердили одно, другое укрепили законами. (3) Более того, Ксенократ[16], один из самых известных философов, на вопрос о том, чего достигают его слушатели, будто бы отвечал: они добровольно делают то, что им велят делать законы. Следовательно, тот гражданин, который своим империей[17] и страхом перед карой по закону заставляет всех людей делать то, к чему философы своей речью могут склонить разве только немногих, заслуживает предпочтения перед самими любителями наставлять, обсуждающими такие вопросы. И в самом деле, какую их речь, как бы отточена она ни была, можно было бы предпочесть правильному устройству гражданской общины, основанному на публичном праве[18] и на обычаях? И в самом деле, как «большие и могущественные города» (как их называет Энний[19]), по моему мнению, следует предпочитать деревенькам и крепостцам, так тех, кто благодаря своей мудрости и авторитету стоит во главе этих городов, следует именно за их мудрость ставить гораздо выше людей, чуждых какой бы то ни было государственной деятельности. А так как нас неудержимо влечет к умножению средств существования человеческого рода и мы, помыслами и трудами своими, стараемся сделать жизнь людей более безопасной и более богатой, причем искать этой радости нас побуждает сама природа, то будем держаться пути, по которому всегда шли все лучшие люди, и не станем слушать призывов тех, кто трубит к отступлению, желая повернуть вспять даже тех, кто уже продвинулся вперед.

(Ш, 4) Этим столь определенным и столь ясным доводам люди, несогласные с нами, противопоставляют труды, которые приходится совершать в защиту государства; для бдительного и деятельного человека это, конечно, препятствие небольшое и не только на таком важном поприще, но и при занятиях обыденных и при выполнении обязанностей частного человека или даже в личных делах заслуживающее пренебрежения. Говорят они и об опасностях, грозящих жизни, причем на позорный страх смерти указывают храбрым мужам, которым естественное угасание в старости кажется уделом более жалким, чем случай, когда им пришлось бы жизнь свою, которую рано или поздно придется отдать природе, именно за отечество отдать[20]. В этом вопросе они признают себя особенно красноречивыми, когда пере-

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 9

числяют несчастья, постигшие прославленных мужей, и обиды, нанесенные им неблагодарными согражданами. Отсюда и примеры из истории греков: Мильтиад, победитель и усмиритель персов, когда у него еще не зажили те раны на груди, что он получил в час величайшей победы, жизнь свою, сохраненную им от вражеских копий, окончил в окопах, наложенных на него согражданами[21]; Фемистокл, с угрозами изгнанный из отечества, которое он спас, бежал не в гавани Греции, сохраненные им, а в глубь варварской страны, которую он когда-то сокрушил[22]. Ведь в примерах непостоянства афинян и их жестокости к

виднейшим гражданам недостатка нет. Такие события, происшедшие там и часто повторявшиеся,— говорят эти люди,— многократно совершались также и в нашем могущественном государстве. (6) Упоминают и об изгнании Камилла[23], и о злобном отношении к Агале[24], и о ненависти к Насике[25], и об изгнании Лената[26], и об осуждении Опимия[27], и о бегстве Метелла[28], и о величайшем несчастье, постигшем Гая Мария[29], [а по его возвращении] об убийстве первенствовавших людей, и о происшедшей вскоре после этого резне, унесшей много жертв[30]. При этом теперь не избегают называть также и меня и, пожалуй, именно потому, что мудростью моей и ценой грозившей мне опасности считают себя спасенными для этой мирной жизни, еще сильнее и с большей любовью ко мне сетуют на мои злключения[31]. Но мне трудно сказать, почему, когда сами они, для получения образования или ради ознакомления, ездят за море,... [Лакуна]

(IV, 7) [Когда] я, слагая с себя полномочия консула, на народной сходке поклялся в том, что государство было спасено, причем римский народ поклялся в том же[32], я, пожалуй, был вполне вознагражден за волнения и тяготы, связанные со всеми обидами. Впрочем, в злключениях моих было почета больше, чем лишений, и не столько было тягот, сколько славы, и я от тоски, испытываемой честными людьми, почувствовал радость большую, чем была боль, причиненная мне радостью бесчестных[33]. Но если бы, как я уже говорил, случилось иначе, то как мог бы я сетовать на это, когда на мою долю не выпало ничего такого, чего я не предвидел ранее, и – в сравнении с моими столь великими деяниями – ничего более тяжкого, чем я ожидал? Ведь я был таким человеком, что я,— хотя мне ввиду разнообразных приятных занятий, которым я предавался с отроческих лет[34], либо можно было получать от своего досуга плоды большие, чем те, какие получают другие люди, либо, если бы всех постигло более тяжкое несчастье, пришлось бы испытать не какие-то особенные превратности судьбы, но равные тем, какие испытали бы и другие,— что я, ради спасения граждан, не поколебался встретить грудью сильнейшие бури и чуть ли не удары молний и, сам подвергаясь опасностям, принести спокойствие всем остальным[35]. (8) Ибо отечество[36] породило, вернее, взрастило нас не с тем, чтобы не ждать от нас никакой поддержки и только, служа нашим выгодам, создавать для нас

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 10

безопасное убежище для жизни на досуге и спокойное место для отдохновения, но для того, чтобы оно само, себе на пользу, взяло в залог многие и притом величайшие силы нашего духа, ума, мудрости и предоставляло нам для наших личных потребностей лишь столько, сколько может оставаться после удовлетворения его собственных нужд[37].

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

1. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантинский, сын Луция Эмилия Павла, усыновленный сыном Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего; в 147 г. он был избран в консулы; в 146 г., во время третьей пунической войны, взял и разрушил Карфаген; в 142 г. был цензором; в 134 г., будучи консулом вторично, взял Нуманцию. Странник нобилитета, противник Тиберия Гракха; глава «Сципионовского кружка» любителей античной культуры.

2. Гай Лелий (младший), консул 140 г., ближайший друг Сципиона, участник третьей пунической войны, юрист. Современники прозвали его Мудрым (Sapiens).

3. Луций Фурий Фил, консул 136 г., известный оратор.

4. Маний Манилий, консул 149 г., участник третьей пунической войны, юрист.

5. Спурий Муммий, брат Луция Муммия, разрушившего Коринф в 146 г., сторонник нобилитета, стоик.

6. Квент Элий Туберон, сын Эмилии, сестры Сципиона Эмилиана; трибун 133 г., претор 123 г., противник Гракхов.

7. Публий Рутилий Руф, Друг Сципиона и Лелия, ученик Панэтия; в 134 г. сражался под Нуманцией, трибун 114 г., претор 110 г., консул 108 г.; в 100 г. был противником Сатурнина, в 94 г. как легат сопровождал в провинцию Азию проконсула Квинта Муция Сцевола, в 93 г. управлял этой провинцией и боролся со злоупотреблениями откупщиков (римских всадников); по возвращении в Рим был обвинен в хищениях и осужден всадническим судом, после чего жил в изгнании в Смирне, где его в 78 г. посетили Марк и Квинт Цицероны.

8. Квинт Муций Сцевола («Авгур»), зять Гая Лелия, тесть оратора Луция Лициния Красса; трибун 123 г., консул 117 г., юрист, стоик, ученик Панэтия.

9. Гай Фанний, зять Гая Лелия; трибун 142 г., претор 132 г., консул 122 г.; стоик, ученик Панэтия.

[2] *Гай Дуелий* во время первой пунической войны одержал победу над карфагенянами в морском бою под Милами в 260 г.

[3] *Авл Атилиий Калатин* – консул 258 и 254 гг., диктатор 249 г., в 253 г. взял Панорм. См. Полибий, Всеобщая история, I, 38.

[4] *Луций Цецилий Метелл* – консул 251 и 247 гг., диктатор 222 г., разбил Гасдрубала под Панормом. Метеллы, важная ветвь плебейского Цецилиево рода, дали многочисленных консулов. См. Гней Невий (около 270–200): Злой рок дает Метеллов Риму в консулы! (Перевод Ф. А. Петровского)

[5] *Гней Корнелий Сципион Кальв* – консул 222 г., был разбит Ганнибалом в 218 г. на реках Тицине и Требии; вместе с братом Публием Сципионом, консулом 218 г., пал в сражении с Гасдрубалом в Испании. Ср. Цицерон, речи: «I речь о земельном законе», 5; «В защиту Бальба», 34; «В защиту Планция», 60.

[6] *Квинт Фабий Максим Веррукос* – консул 233, 228, 215, 214 и 209 гг., диктатор 221 и 217 гг., за свою тактику изматывания противника получил прозвание Кунктатора (Медлитель). См. Энний, «Анналы», фрагм. 306 Уормингтон: Нам один человек республику спас промедленьем.

К Ганнибалу в то время примкнули некоторые италийцы, отпавшие от Рима, в частности Капуя. См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 19, 2 (46).

[7] *Марк Ллавдий Марцелл* – консул 222, 215, 214, 210, 208 гг., одержал в 216–215 гг. победы под Нолой и взял Сиракузы в 212 г. См. Цицерон, «Речи против Берреса»,

(II) IV, 115.

[8] *Публий Корнелий Сципион Старший* разбил в 202 г. Ганнибала под Замой в Африке. Как триумфатор он получил прозвание «Африканский». См. прим. 19 к кн. VI.

[9] *Марк Порций Катон Старший* (Цензорий) – (235–149), родом из Тускула, был консулом в 196 г. и цензором в 184 г. В глазах Цицерона – образец древней римской доблести. Цицерон назвал его именем свой трактат «О старости».

[10] *Номо повус*. Так называли человека, не принадлежащего к сословию сенаторов, который первым в своем роду добивался или добился избрания в консулы. См. Цицеро, «Речь в защиту Мурины», 17; Квинт Цицерон, «Краткое наставление по соисканию консульства», I, 1; Саллюстий, «Югурта», 85, 13, 14, 25.

[11] *Otium*. В данном случае – отказ от государственной деятельности ради занятий литературой и философией. Противоположное понятие – *negotium*, общепольная деятельность. См. Цицерон, «О дружбе», 104.

[12] Эпикурейцы, которых Цицерон осуждал за их политический абсентеизм; см. ниже, § 8 сл.: «Речь против Писона», 42, 59, 69; «Письма к близким», XIII, 1, 4 (198); Лукреций, «О природе вещей», II, 1 слл.

[13] Имеется в виду политическая деятельность. Частая у древних метафора. Ср. Алкей, фр. 47 А; Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 46; Гораций, Оды, I, 14; Послания, II, I, 114.

[14] В данном случае имеется в виду понятие *apanke* (*греч.*) стоической философии: сознаваемый человеком долг поступать доблестно. См. Цицерон, «О природе богов».

[15] *jus gentium*. Во времена родового строя – международное и междуплеменное право, субъектом которого был род или племя. С разложением родового строя и образованием государства оно разделилось на: 1) внутреннее право римской общины – право квиритов (*ius Quiritium*), впоследствии получившее название гражданского, или гражданского, права (*ius civile*), и 2) право, регулирующее внешние отношения римского государства, т. е. международное право, *ius gentium*; другие его названия – право войны и мира (*ius belli et pacis*), фециальный устав (*ius fetiale*); см. кн. II, § 31. *Ius gentium* определяло также и права иностранцев в римском государстве. См. прим. 53 к кн. II.

[16] *Ксенократ* – 396–314 гг., родом из Халкедона, был учеником Платона; после Спевсиппа стоял во главе Академии.

[17] *Imperium*. В древнейшую эпоху совокупность прав царя. В эпоху республики полнота власти высших магистратов (консулов и преторов), ограниченная коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах померия (сакральная городская черта города Рима) также и интерцессией плебейских трибунов и правом провокации (апелляция к народу), которым обладал римский гражданин. Империй слагался из права авспиций (см. прим. 11 к кн. II), набора войска и командования им, созыва куриатских комиций, права принуждения и наказания и юрисдикции. Различался *Imperium domi*, т. е. власть в пределах померия, и *Imperium militiae*, т. е. вся полнота власти вне померия – в Италии и в провинциях – как в мирное, так и в военное время. Магистрату, уже облеченному гражданской властью (*potestas*), империй предоставлялся изданием особого куриатского закона (*lex curiata de imperio*). Магистрат, обладающий империей, не имел права вступать в пределы померия. В I в. единый империй сохранился только у наместников провинций: он не был

ограничен ни интерцессией, ни правом провокации и часто продолжался больше года. Под *Imperium maius* разумели верховное командование с особыми полномочиями.

[18] *jus publicum* – совокупность правовых норм, определяющих взаимоотношения между государством и гражданином, а также и между гражданами, когда эти взаимоотношения имеют значение для государства в целом.

[19] Энний, «Анналы», фрагм. 600 Мюллер. Квинт Энний (239–169), автор исторической хроники «Анналы» и ряда трагедий и комедий, ввел в римскую поэзию гексаметр, заменив им старинный сатурнический стих. Энний был связан дружескими отношениями с Корнелиями Сципионами. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия», 22; «Об ораторе», II, 276; Гораций, послание II, I, 50.

[20] В § 4 приводятся возражения эпикурейцев. О самопожертвовании см. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 116.

[21] *Мильтиад*, греческий стратег V века, одержал победу над персами под Марафоком в 490 г. После неудачной экспедиции против Пароса был обвинен афинянами в том, что дал себя подкупить, присужден к штрафу в 500 талантов и заключен в тюрьму, не будучи в состоянии его заплатить. См. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 141; Корнелий Непот, «Жизнь Мильтиада», VII, 5–6.

[22] *Фемистокл* участвовал в победе над персами в морском бою под Саламином; был изгнан из Афин в 471 г. и умер в Магнесии в 461 г. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия» 20; «Речь в защиту Сестия», 141; «Речь в защиту Скавра», 3; «Письма к Аттику», VII, 11, 3 (303); IX, 10, 3 (364). «*Варварская страна*» – всякая страна, населенная не греками и не римлянами.

[23] *Марк Фурий Камилл* – военный трибун с консульской властью, в начале IV в. завоевал Вейи и одержал победу над вольсками; обвиненный в утайке военной добычи, он в 391 г. удалился в изгнание и был возвращен в Рим в 390 г., во время нашествия галлов. См. Ливии, VII, 1.

[24] *Гай Сервилий Структ Агала* – помощник диктатора Луция Квинция Цинцинна-та (середина V в.), убил римского всадника Спурия Мелия, обвиненного в стремлении к единовластию; Агала также был обвинен в таком же стремлении. См. Цицерон, речи: «I речь против Катилины», 3; «О даме», 86; 101; «В защиту Сестия», 143; «В защиту Милона», 18; «II филиппика», 26.

[25] *Публий Корнелий Сципион Насика Сератион* – консул 138 г, считался виновником гибели Тиберия Гракха (133 г.).

[26] *Публий Папилий Ленат* – консул 132 г., противник Гракхов, был изгнан в 123 г. по предложению Гая Гракха. См. Цицерон, речи. «В сенате по возвращении из изгнания», 37 сл.; «К квиритам по возвращении из изгнания», 6, 9, 11; «О доме», 82, 87.

[27] *Луций Опимий* – консул 121 г., противник Гая Гракха, в 115 г. был главой посольства, отправленного для переговоров с Югуртой; в 110 г. он был обвинен в получении взятки от Югурты и осужден на изгнание. См. Цицерон, речи: «К квиритам по возвращении из изгнания», 11; «В защиту Сестия», 140; «Против Писона», 95; «В защиту Планция», 69; «Брут», 128.

[28] *Квинт Цецилий Метелл Нумидийский* – консул 129 г., победитель Югурты, добровольно удалился в изгнание, отказавшись дать клятву в соблюдении земельного закона Луция Апулея Сатурнина. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания»,

25; «О доме», 22; «В защиту Сестия», 37, 101; «Письма к Аттику», I, 16, 4 (22).

[29] Бегство из Италии после неудачи в борьбе против Суллы. *Гай Марий*, бывший родом из Арпина, как и Цицерон, был консулом в 107, 104–100 и 86 гг.; победитель кимвров и тевтонов. Цицерон часто говорит о Марии как о «спасителе отечества»; см. речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 38; «К квиритам по возвращении из изгнания», 7, 9 сл.; «В защиту Сестия», 37 сл., 116; «Против Писона», 43; «В защиту Милона», 8 сл. 83.

[30] Имеются в виду жертвы сулланских проскрипций 82 г.

[31] Цицерон имеет в виду свое консульство 63 г. (подавление движения Катилины) и свое изгнание в 56 г. Из числа друзей Цицерона эпикурейцами были Тит Помпоний Аттик и Марк Марий; см. Цицерон, «Письма к близким», VII, 1 (127).

[32] В последний день консульства Цицерона (29 декабря 63 г.) трибун Квинт Цецилий Метелл Непот не позволил ему обратиться к народу с речью. См. Цицерон, «Речь против Писона», 6; письма: «К близким», V, 2, 7 (14); «К Аттику», I, 16, 5 (22).

[33] Оптиматы («честные люди») высоко оценили действия консула Цицерона, направленные «а подавление движения Катилины: Луций Аврелий Котта предложил устроить благодарственные Молебствия богам; Луций Геллий признал его заслужившим «гражданский венок», которым награждали за спасение жизни римского гражданина, Квинт Лугаций Катул провозгласил его «отцом отечества». См. Цицерон, речи: «III речь против Катилины», 15; «Против Писона», 6. См. ниже, прим. 125.

[34] Ср. Цицерон, «Брут», 305–319; «Об ораторе», I, 2.

[35] Ср. Цицерон, «III речь против Катилины», 1.

[36] Цицерон употребляет слово «родина» в двояком значении: 1) место рождения и 2) отечество – как понятие юридическое; ср. «О законах», II, 5; «Об обязанностях», I, 53.

[37] Ср. Платон, «Критон», 51 A –C. Весь § 8 направлен против политического абсентеизма эпикурейцев.

Фрагменты из первой книги 1

Не [пишу я] для ученых. Чтоб Манилий, Персии Прочитали, не хочу. Пусть Юний Конг читает^[1].

2. Итак, раз отчизна сулит нам больше благодеяний и является родительницей, более древней, чем тот, кто нас произвел на свет, то ей, конечно,

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 34

следует воздать благодарность большую, чем та, какую следует воздать родителю^[2] (Ноний, 426, 9).

3. Усвой себе, заклиная тебя Геркулесом, это обыкновение, стремления и высказывания (Ноний, 276, 5).

4. Конечно, все рассуждения этих людей, хотя и содержат богатейшие источники доблести и знаний, все же, при сопоставлении с их деяниями, пожалуй, не столько принесли им пользу, сколько развлекали их на досуге (Лактанций, «Institut, div.». III, 16, 5).

5. Да и Карфаген не обладал бы, без продуманных решений и распорядка, таким могуществом на протяжении почти шестисот лет^[3] (Ноний, 526, 5).

^[1] Отрывок из Гая Луцилия (II в.); см. Плиний, «Естеств. история», предисловие 7. Манилий – участник диалога. Гай Персии был образованным человеком того времени. Марк Юний Лонг Гракхан был историком и интересовался римскими древностями. См. Цицерон, «Речь в защиту Планция», 5в; «Брут», 99; «Об ораторе», I, 256; II, 25. Смысл отрывка: автор предназначает свой труд для широкого круга читателей.

^[2] Ср. выше, § 4 слл.

^[3] Этот фрагмент можно было бы отнести к концу § 44.

КНИГА ВТОРАЯ

(I, 1) [Так как все горели желанием] послушать, Сципион начал свою речь так:

Вот слова старика Катоя, которого я, как вы знаете, особенно почитал и перед которым глубоко преклонялся; ведь ему я, и по решению обоих своих отцов[1], и по своему собственному побуждению, с ранней юности посвящал все свое время[2]; беседой с ним никогда не мог я достаточно насладиться: так велик был его опыт в государственных делах, которые он очень успешно и весьма долго вел и в Риме, и в походах, и так велики были его сдержанность в речах и сочетавшееся с достоинством обаяние, а также и сильнейшее стремление учиться самому и обучать других, причем жизнь его вполне соответствовала тому, что он говорил.

(2) Катон обыкновенно говорил, что наше государственное устройство лучше устройства других государств по той причине, что в последних, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений, например, у критян – Минос[3], у лакедемонян – Ликург[4], у афинян, чье государственное устройство весьма часто испытывало перемены, вначале – Тесей, затем Драконт, затем Солон, Клисфен[5] и многие другие, а под конец совершенно ослабевшему государству не дал погибнуть ученый муж Деметрий Фалерский[6]; напротив, наше государство создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом.

(3) Поэтому я, следуя его примеру, теперь поведу речь от «начал римского народа»[7]; ведь я охотно пользуюсь даже выражением Катона. А этой

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 35

цели мне легче будет достигнуть, если я представлю вам, как государство наше рождалось, росло, зрело и, наконец, стало крепким и сильным, – чем в том случае, если бы я придумал для себя какое-нибудь государство, подобно тому, как у Платона это делает Сократ[8].

(II, 4) Когда все одобрили это, Сципион сказал:

Можно ли назвать какое-либо государство, основание которого было бы таким славным и столь широко известным, как закладка нашего города, совершенная Ромулом? Будучи сыном Марса, Ромул (согласимся со сказанием – тем более, что оно не только весьма древнее, но и мудро нам завещано предками для того, чтобы люди с большими заслугами перед государством считались не только наделенными божественным умом, но также и божественного происхождения), итак, Ромул, как только родился, говорят, был вместе с братом своим

Ремом, по повелению альбанского царя Амулия, боявшегося ниспровержения своей царской власти, оставлен на берегу Тибра[9]; там его питал своим молоком хищный зверь[10]; после того, как Ромула взяли к себе пастухи и воспитали в суровых условиях жизни и среди лишений, он, по преданию, когда вырос, силой своего тела и неустранимостью духа настолько превзошел всех остальных, что все, кто населял земли, где ныне стоит наш город, покорно и охотно начали ему повиноваться. Встав во главе их отрядов (перейдем теперь от сказаний уже к событиям), он, как говорят, захватил Альбу-Лонгу, в те времена сильный и могущественный город, и убил царя Амулия.

(III, 5) Стяжав такую славу, Ромул, по преданию, прежде всего задумал, совершив авописии[11], заложить город и основать прочное государство. Что касается места для города, которое каждый, пытающийся создать долговечное государство, должен намечать весьма осмотрительно, то Ромул выбрал его необычайно удачно. Ведь Ромул не придвинул города к морю (а это было бы для него, при многочисленности его отряда, очень легко), дабы вторгнуться в область рутулов и аборигенов[12] и основать город в устье Тибра, куда через много лет вывел колонию царь Анк[13]; нет, этот муж, обладавший выдающейся способностью предвидеть, хорошо понимал, что приморское положение отнюдь не выгодно для тех городов, которые закладываются в надежде на их долговечность и могущество, – прежде всего потому, что приморским городам угрожают опасности не только многочисленные, но и скрытые. (6) Ведь твердая земля заблаговременно возвещает о приближении врагов – не только тех, которых ожидают, но и тех, которые нападают врасплох, – многими признаками: как бы гулом и даже грохотом; ибо ни один враг не может налететь по суше так, чтобы мы не могли знать не только о его прибытии, но также и о том, кто он и откуда явился. Между тем враг, приходящий с моря на кораблях, может появиться раньше, чем кто бы то ни было будет в состоянии заподозрить возможность нападения; при этом он, уже появившись, не дает понять, ни

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 36

кто он, ни откуда идет, ни даже чего он хочет; словом, нельзя усмотреть ни единого признака, чтобы судить, мирные ли это люди или враги.

XIV, 7) Далее, приморским городам свойственны, так сказать, порча и изменение нравов; ибо они приходят в соприкосновение с чужим языком и чужими порядками, и в них не только ввозятся чужеземные товары, но и вносятся чуждые нравы, так что в их отечественных установлениях ничто не может оставаться неизменным в течение долгого времени. Жители этих городов уже не чувствуют привязанности к насиженному месту; нет, крылатые надежды и помыслы увлекают их вдаль от дома, и даже тогда, когда они сами остаются на родине, в душе они все же удаляются прочь и странствуют. И право, ничто иное не повредило в большей степени уже давно поколебленным в своих устоях Карфагену и Коринфу[14], чем эти странствия и

рассеяние их граждан, так как они, из-за своей страсти к торговле и мореплаванию, перестали обрабатывать поля и разучились владеть оружием.

(8) Кроме того, по морю в государства доставляется много предметов, порождающих пагубную роскошь; их либо захватывают силой, либо ввозят. Да и само приятное расположение города таит в себе много разорительных и склоняющих к праздности соблазнов, побуждающих людей удовлетворять свои страсти. И то, что я сказал о Коринфе, пожалуй, можно вполне сказать и обо всей Греции; ведь и сам Пелопоннес почти весь лежит у моря, и, за исключением жителей Флиунта[15], нет такого племени, которое не соприкасалось бы с морем, а за пределами Пелопоннеса только эниане, доряне и долопы живут вдалеке от моря. К чему говорить мне о греческих островах, которые, будучи опоясаны волнами, чуть ли не сами носятся по ним вместе со своими гражданскими установлениями и укладом жизни?

(9) Но это, как я уже говорил, относится к старой Греции. Что касается ее колоний, выведенных греками в Азию, во Фракию, Италию, Сицилию и Африку, то какой из них, кроме одной только Магнесии[16], не омывают морские волны? Таким образом, побережье Греции кажется как бы пришитым к землям варваров; ведь из самих варваров ранее никто не жил у моря, кроме этрусков и пунийцев; одни из них жили у моря с целью торговли, а с целью разбоя – другие. Вот очевидная причина бедствий и переворотов, происшедших в Греции, – недостатки, связанные с приморским расположением городов, вкратце рассмотренные мною ранее. Впрочем с этими недостатками сочетаются большие преимущества: в город, где ты живешь, по морю могут доставляться произведения всего мира, и, наоборот, то, что произрастает на его полях, жители могут вывозить и посылать в любую страну.

(V, 10) Каким образом Ромул смог бы с более божественной мудростью использовать преимущества приморского расположения города и в то же время избежать его опасностей, как не тем, что заложил город на берегу реки, которая течет непрерывно и равномерно и, впадая в море, образует

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 37

широкое устье? Благодаря этому город мог и получать по морю все то, в чем нуждался, и отдавать то, чем изобиловал, и мог по этой же реке не только ввозить из-за моря все самое необходимое для пропитания и жизни, но и получать привезенное по суше; таким образом, Ромул, мне кажется, уже тогда предвидел, что наш город рано или поздно станет средоточием величайшей державы. Ибо городу, расположенному в какой бы то ни было другой части Италии, едва ли удалось бы с большей легкостью сохранить такое могущество.

(VI, 11) Далее, что касается природных средств защиты города, то найдется ли такой ненаблюдательный человек, который их не заметил бы и Должным образом не оценил? Ведь как Ромул, так и последующие цари благодаря своей мудрости, использовав наличие крутых и обрывистых холмов, возвышавшихся со всех сторон, выбрали для

городской стены^[17] такое направление, что единственное доступное место, находившееся между Эсквилинским и Квиринальским холмами, после того, как был насыпан огромный вал, опоясывалось широчайшим рвом, а обнесенная стеной крепость^[18] стояла так высоко на крутой и как бы обтесанной скале, что даже в памятные нам страшные времена галльского нашествия^[19] осталась невредимой и нетронутой. В этой области, страдавшей от болезней, Ромул выбрал место, и богатое родниками, и здоровое; ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам.

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

^[1] Луций Эмилий Павел и Публий Корнелий Сципион, сын Сципиона Африканского Старшего, приемный отец Сципиона Младшего Эмилиана.

^[2] См. Плутарх, «Катон Старший», 27.

^[3] *Минос* – по мифологии, сын Зевса и Европы, царь-законодатель Крита, судья в подземном царстве.

^[4] *Ликург* – законодатель Спарты (начало IX в.); см. ниже, §§ 15, 18.

^[5] *Тесей* – сын афинского царя Эгея, согласно традиции, объединил под главенством Афин сельские общины (демы) Аттики. В 621 г. архонт Драконг, по-видимому, уже историческое лицо, составил писаное уголовное право, отличавшееся суровостью. В 594 г. архонт Солон отменил рабство за долги, разделил население на четыре разряда по его имущественному положению и установил, что политические права определяются цензом. *Клисфен*, известный своей борьбой против тирании Писистратидов, в 508 г. приступил к демократическим реформам: усиление власти народных собраний и введение выборных должностей.

^[6] *Деметрий Фалерский* – философ-перипатетик и историк; участвовал в правительстве Афин с 317 по 307 г., произвел реформу законодательства.

^[7] Историческое сочинение Катана Старшего носило название «*Origines*» (Начала).

^[8] В диалоге Платона «Государство».

^[9] См. Ливии, I, 4. Мигрирующий сюжет; ср. сказание о Моисее, об Эдипе.

^[10] волчица, предмет тотемистического культа у древних латинян.

^[11] Официальные акты (созыв комиций, назначение диктатора, избрание интеррекса, выступление войска в поход и т. п.) требовали предварительного вопрошения воли богов – авгурий или *авспиций*; по представлению римлян, о ней можно было узнать на основании небесных явлений, полета и крика птиц, поедания корма священными курами, необычного поведения людей. Право авспиций принадлежало царю, а впоследствии магистратам с империей. Различались *auspicia urbana*, совершавшиеся внутри померия, и *a. bellica*, совершавшиеся в походе и перед боем; *a. impetrativa*, полученные при нарочитом наблюдении; *a. oblativa*, выявившиеся случайно, например, приступ падучей болезни во время комиций. В Риме городские авспиций совершались на авгуракуле, особом месте в крепости. Авспиций совершались в присутствии жреца-авгура, истолковывавшего их. Уже одного заявления магистрата, что им начаты авспиций (нунциация), было достаточно, чтобы комиций были отложены. Его заявление, что знамения неблагоприятны, называлось обнунциацией. Право нунциации и обнунциации,

принадлежавшее магистра-там и трибунам, по-видимому, было установлено Элиевым законом (середина II в.). Этим правом широко пользовались в политических целях. См. ниже, прим. 26.

[12] *Рутулы* населяли приморскую часть Лация. *Аборигены* – древнейшее население Лация. См. Ливии, I, 32, 11; 52, 2.

[13] Царь *Анк Марций*, по преданию, основал город Остию. См. Ливии, I, 33.

[14] *Карфаген* и *Коринф* были разрушены римлянами в 146 г.

[15] *Флиунт* – город в Арголиде. См. Цицерон, «Письма к Аттику», VI, 2, 3 (257).

[16] В М. Азии было два города, удаленных от побережья, носивших название *Магнесии*.

[17] Каменные *стены*, окружавшие Палатинский холм и Семихолмие, относятся к IV в. Во времена царей укрепления были, скорее всего, бревенчатые.

[18] *Агх*. Укрепленная северная вершина Капитолийского холма. См. Цицерон, «Речь в защиту Рабирия» (63 г.), 35.

[19] Согласно традиции, в 390 г.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Так как обсуждение этого вопроса было отложено на следующий день, то рассмотрение его в третьей книге вызвало оживленные споры. Сам Фил, предупредив с самого начала, что это мнение не следует приписывать именно ему, изложил взгляды тех, кто считает, что править государством, не совершая несправедливости, не возможно, и кто настойчиво высказывался в защиту несправедливости и против справедливости, на основании соображений, похожих на истину, и примеров пытаясь доказать, что первая государству полезна, а вторая не полезна. Затем, по просьбе всех присутствовавших, Лелий стал защищать справедливость и всячески доказывать, что нет ничего столь враждебного государству, как несправедливость, и что вообще государство может управляться, вернее, сохраняться, только благодаря великой справедливости. После того, как вопрос этот был рассмотрен, по общему признанию, достаточно, Сципион возвратился к тому, на чем он остановился, и повторил и предложил свое краткое определение государства, которое он назвал «достоянием народа»; но народ, по его мнению, не любое множество людей, а множество людей, объединенных согласием относительно права и общностью интересов. Затем он показал, как велика при обсуждении вопроса польза «определения», и на основании этих своих определений сделал вывод, что государство, то есть «достояние народа», существует тогда, когда им хорошо и справедливо правит либо один царь, либо немногочисленные оптиматы, либо весь народ. Но когда несправедлив царь, которого Сципион, по греческому обычаю, назвал тиранном, или несправедливы оптиматы, сговор которых он назвал кликой, или же несправедлив сам народ, который он, не иаидя для него подходящего наименования, также назвал тиранном, то государство уже не только порочно, о чем говорилось накануне, но – как показывает вывод из приведенных определений – его вообще не существует, так как оно уже не достояние народа, раз его захватил тиранн или клика, да и сам народ в этом случае уже не народ, раз он не справедлив, так как это не множество людей, объединенных согласием относительно права и общностью интересов, каковое определение было дано народу (Августин, «О государстве божьем», II, 21).

(I, 1) В своей третьей книге о государстве этот же Туллий говорит, что человек рожден природой для жизни – словно она ему не мать, а мачеха – с телом нагим, хилым и слабым, с душой, робкой при трудностях, поддающейся страхам, нестойкой при

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 55

лишениях и склонной к чувствительности, с душой, которой, однако, присущ как бы внесенный в нее божественный огонь дарований и ума (Августин, «Против Юлиана Пелаг.», IV, 12, 60).

И в самом деле, какое существо находится в более жалком положении, чем мы, ввергаемые в эту жизнь как бы нищими и нагими, с тщедушным

телом, с робким сердцем, со слабым духом, пугливыми при тревогах, ленивыми в трудах, склонными к наслаждениям? (Амвросий, «О кончине Сатира», 2, 27).^[1]

(2) Хотя человек рождается хилым и слабым, ему все же не опасно ни одно бессловесное существо, а всем им, рождающимся сильными, все же, хотя они стойко переносят непогоду, опасен человек. Таким образом, разум приносит человеку пользу большую, чем та, какую бессловесным существам приносит природа, так как последних и значительность их сил, и стойкость их тела не могут избавить от истребления нами и подвластности нам. (19) Платон, мне думается, желая опровергнуть этих неблагодарных, высказал природе благодарность за то, что родился человеком (Лактанций, «De orificio Dei», III, 16, 17, 19).

(II, 3) [Лакуна] [Разум предоставил в распоряжение человека, ввиду медленности его передвижения, повозки, а когда разум этот обнаружил, что люди беспорядочно издают нечленораздельные и невнятные звуки^[2], то он разделил эти звуки, разбил их на части и, так сказать, как знаки оттиснул слова на предметах и людей, ранее между собой разобщенных, связал приятнейшими узами речи. Тот же разум обозначил и выразил все звуки человеческого голоса, казавшиеся бесчисленными, небольшим количеством знаков, которые он изобрел, – чтобы посредством их можно было сохранять и беседу с людьми отсутствующими, и изъявления воли, и записи прошлого. К этому прибавилось число, вещь и необходимая для жизни, и единственная, которая не изменяется и существует вечно. Число впервые подвигло нас и и а то, чтобы мы, глядя на небо, не следили (понапрасну за движением звезд, но, считая дни и ночи, ...[приводили в порядок календарь.] [Лакуна]

(III, 4) [Философы,] ...чей ум возвысился еще больше и смог совершить и придумать нечто достойное дара богов, как я уже говорил. Поэтому да будут для нас те, кто рассуждает о правилах жизни, великими людьми (какими они и являются), да будут они учеными, да будут они наставниками в истине и доблести, только бы истина и доблесть – независимо от того, придуманы ли они мужами, хорошо знакомыми с разными видами государственного устройства, или же изучались ими на досуге и по сочинениям (как это и было), – отнюдь не встречали пренебрежения к себе. Я имею в виду гражданственность и устройство жизни народов, которое вызывает (и весьма часто уже и вызывало) в честных сердцах появление, так сказать, необычайной и богами внушенной доблести. (5) Но если кто-нибудь к тем способностям своего ума, которые получены им от природы и благодаря

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 56

гражданским установлениям, признал «ужным прибавить образование и более обширные познания, – как поступили те, кто занимается обсуждением этих вот книг, – то не найдется человека, который не предпочел бы таких людей – всем остальным. И право, что может быть более

славным, чем сочетание великих дел и опыта с изучением этих наук и познанием их? Другими словами, можно ли вообразить себе более благородного человека, чем Публий Сципион, чем Гай Лелий, чем Луций Фил, которые, дабы не пройти мимо всего того, чем достигается вся слава, выпадающая на долю знаменитых мужей, прибавили к обычаям отечественным и дедовским также и это чужеземное учение, исходящее от Сократа? (6) Следовательно, кто пожелал и смог добиться и того, и другого, то есть познать и установления предков, и философские учения, тот, по моему мнению, достиг всего того, что приносит славу. Но если следует избрать один из этих двух путей к мудрости, то – даже если спокойный образ жизни, протекающей в благороднейших занятиях и науках, кому-либо и покажется более счастливым, – все же жизнь гражданина более достойна хвалы и, несомненно, более славна, коль скоро за нее выдающихся мужей превозносят так, как, например, превозносили Мания Курия[3] –

Тот, кого никто ни мечом ие осилил, ни златом.

Его никто – ни гражданин, ни гость – За подвиги не сможет наградить[4].

(IV, 7) [Лакуна.] ...[что оба пути] были мудростью, но различие между тем и другим заключалось в том, что одни люди воспитывали природные начала наставлениями и науками, а другие – установлениями и законами. Но одно наше государство дало большее число если и менее мудрых мужей (так как эти философы истолковывают это название столь ограничительно), то, несомненно, людей, достойных высшей хвалы, так как они почитали поучения и открытия мудрецов. И если мы – независимо от того, сколько существует и существовало государств, достойных хвалы (так как нужна величайшая и непревзойденная в природе мудрость, чтобы создать государство, которое может быть долговечным), – если мы в каждом из таких государств найдем хотя бы одного такого мужа, то какое тогда окажется великое множество выдающихся мужей! Но если мы пожелаем мысленно обзреть в Италии Лаций, или там же (племена сабинян и вольсков, Самний, Этрурию, знаменитую Великую Грецию[5], если мы затем обратим свой взор на ассирийцев, каперсов, «а пунийцев, на эти... [Лакуна]

(V, 8) *ФИЛ.*– Вы мне поручаете поистине превосходную задачу, желая, чтобы я взял на себя защиту бесчестности.

ЛЕЛИ П.– Конечно, если ты выскажешь то, что обычно высказывают против справедливости, ты, пожалуй, можешь произвести впечатление, что

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 57

и ты такого же мнения, хотя сам ты – как бы исключительный образец древней порядочности и честности, и хотя хорошо известно твое обыкновение рассуждать с противоположных точек зрения[6], так как, по твоему мнению, таким образом легче всего дойти до истины.

ФИЛ.– Ну, хорошо, я исполню ваше желание и сознательно испачкаюсь. Так как от этого не отказываются люди, ищущие золото, то мы, ищущие справедливости, которая гораздо дороже всякого

золота, конечно, не должны страшиться трудностей. О, если бы мне, коль скоро я должен буду использовать чужие доводы, было дозволено поручить эту речь другому! Теперь Луций Фурий Фил должен сказать то, что Карнеад^[7], грек, привыкший выгодную ему мысль... [выражать] словами, ...[высказал против справедливости.] [Лакуна]

(9) ...чтобы вы ответили Карнеаду, который, по изворотливости своего ума, часто высмеивает наилучшие положения.

(VI) Кто не знает, как велика была убедительность доводов Карнеада, философ академической школы, и каким красноречием и остротой ума он отличался, тот именно это поймет из оценки, данной ему Цицероном, или же из оценки, данной ему Луцилием, у которого Нептун, рассуждая о труднейшем вопросе, указывает, что он не сможет его разъяснить, «если Орк^[8] не отпустит к нему самого Карнеада». Когда Карнеад был прислан афинянами в Рим в качестве посла, он произнес обстоятельную речь о справедливости в присутствии Талибы и Катона Цензория, величайших ораторов того времени. Но этот же Карнеад на другой день опроверг свои положения противоположными положениями и справедливость, которую превозносил накануне, уничтожил и притом не убедительной речью философа, чье мнение должно быть твердым и незыблемым, но как бы ораторским упражнением, при котором рассуждение ведется с обеих точек зрения. Так он поступал обычно, чтобы быть в состоянии опровергнуть мнения других людей, отстаивавших любое положение. Рассуждение, которым отвергается справедливость, у Цицерона вспоминает Луций Фурий, мне думается, потому, что он рассуждал о государстве, чтобы выступить с защитой и прославлением справедливости, без которой, по его мнению, править государством невозможно. Но Карнеад для того, чтобы опровергнуть положения Аристотеля и Платона, поборников справедливости, в своей первой речи собрал все то, что высказывалось в защиту справедливости, чтобы быть в состоянии все это опровергать, как он и поступил (Лактанций, «Instil, div.», V, 14, 3–5).

(VII, 10) Большинство философов, а особенно Платон и Аристотель, высказало о справедливости многое, превознося ее как истину и доблесть, достойную высшей хвалы, так как она воздает каждому свое и сохраняет равенство между всеми. И между тем как другие доблести как бы безмолвны и замкнуты в себе, справедливость – единственная доблесть, не замкнутая в себе и не скрытая, но обнаруживающаяся вся целиком и склонная к хорошим поступкам ради того, чтобы приносить возможно большую пользу. Как будто справедливость должна быть присуща одним только судьям и людям, облеченным какой-либо властью, а не всем! (11) Между тем нет человека даже среди самых.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 58

незначительных и нищих людей, который не мог бы приобщиться к справедливости. Но так как они

не знали, что она собой представляет, откуда проистекает, каково ее назначение, то они эту высшую доблесть, то есть общее благо, объявили уделом немногих и заявили, что она не ищет своей пользы, а только благоприятствует чужим выгодам. И (Карнеад, человек необычайного дарования и остроты ума, с полным основанием выступил, дабы доказать несостоятельность утверждений этих людей и отвергнуть значение справедливости, не имевшей прочного основания, – не потому, что он полагал, что справедливость заслуживает порицания, но с целью доказать, что поборники справедливости не выставили в ее защиту никаких определенных, никаких незыблемых доводов (Лактанций, Эпитома, 50 [55], 5–0).

Справедливость глядит наружу, вся выступает вперед и выдается... (Ноний, 373, 30).

...доблесть, которая вся более, чем все другие, стремится к служению другим и в этом и проявляется (Ноний, 299, 30).

(VIII, 12) *Фил.*...находил бы и защищал..., но другой^[9] рассуждениями своими о самой справедливости заполнил четыре весьма обширных книги. Ведь от Хрисиппа^[10] я не ожидал ничего великого и блестящего: он говорит, так сказать, в своем духе, рассматривая все по значению слов, а не по сущности вещей. Уделом тех героев было оживлять эту доблесть, когда она лежит поверженная, и возводить ее на божественный престол рядом с мудростью; ведь одна она (если она существует), рожденная для других, а не для себя, весьма благотворна и щедра и всех любит больше, чем себя самое. (13) И ведь у них вовсе не было недостатка ни в желании (какое же у них было иное основание писать и вообще какое другое намерение?), ни в даровании, которым они превосходили всех; но действительность оказалась сильнее их желания и их способностей. Ведь право, которое мы исследуем, есть «что, относящееся к гражданственности, но отнюдь не к природе^[11]. Ибо, если бы оно относилось к природе, то – подобно горячему и холодному, подобно горькому и сладкому – справедливое и несправедливое были бы одинаковыми для всех людей.

(IX, 14) Но теперь, если бы кто-нибудь «с колесницы, влекомой крылатыми змеями», как писал Пакувий^[12], мог обзреть с высоты и воочию увидеть многие и разные народы и города, то он прежде всего заметил бы, что египтяне, самый старозаветный из всех народов и располагающий летописями событий за очень много веков, считают божеством какого-то быка, которого они зовут Аписом. Такой человек увидел бы у тех же египтян и многие другие чудовища и разных зверей, причисленных ими к богам. Затем он увидел бы в Греции, как и у нас, великолепные храмы, посвященные богам в человеческом образе. Персы сочли это кощунством, и Ксеркс, как говорят, повелел предать огню храмы афинян по одной той причине, что считал кощунством держать взаперти богов, чей дом – весь этот мир^[13].

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 59

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] Ср. Платон, «Государство», книги I, II, III (рассуждение о справедливости и несправедливости).

[2] Ср. Лукреций, «О природе вещей», V, 1022 слл., 1028; Платон, «Критон», 383 A–B.

[3] *Маний Курий Дентат* – консул 290, 284, 275 и 274 гг., победитель самнитов и царя Пирра.

[4] Первый фрагмент принадлежит Энною, «Анналы», фр. 209 Уормингтон; второй фрагмент принадлежит Сенеке, Послания, 108, 33.

[5] Южная Италия и Сицилия с преобладанием греческого населения.

[6] Т. е. по сократическому методу: теза и антитеза.

[7] *Карнеад Киренский* – 214–129 гг., основатель Новой Академии, участник посольства, прибывшего в 156 г. из Греции в Рим. В состав посольства входили также и перипатетик Критолай и стоик Диоген.

[8] Орк (он же Плутон, у греков Аид) – божество, властитель царства умерших.

[9] Аристотель. Имеется в виду его сочинение о справедливости (утрачено).

[10] *Хрисипп* – около 281–204 гг., противник Карнеада, основатель средней Трои, систематизировал учение стоической философии.

[11] Т. е. естественное право.

[12] *Пакувий* – (220–130) трагический поэт, принадлежал к Сципионовскому кружку.

[13] Ср. Цицерон, «О законах», II, 26; «О природе богов», I, 115. См. Геродот, I, 131 VIII, 109; Эсхил, «Персы», 809 слл.

МУММИЙ.– И даже с гораздо большим основанием; ведь царь более походит на владыку еще и потому, что он один; и ни одно государство не может быть счастливее такого, где власть возьмут в свои руки несколько честных мужей. Но я даже царскую власть предпочту правлению «свободного» народа; ибо именно этот третий вид и есть самое дурное государство.

(XXXV, 47) *СЦИПИОН*.– Знаю я, Спурий, что ты настроен против народного правления[1]. И хотя терпеть его легче, чем это обычно делаешь ты, я все же согласен с тем, что из трех видов государственного устройства этот вид наименее всего заслуживает одобрения. Но я не согласен с тобой в одном – что оптиматы лучше царя. Ведь если государством правит мудрость, то какая же разница, будет ли это мудрость одного или же нескольких человек? Но мы, рассуждая так, становимся жертвой некоторого заблуждения. Ведь когда их называют «оптиматами», то их власть кажется «наилучшей»[2]. Ну, можно ли представить себе что-либо лучшее, чем наилучшее? Но стоит нам только упомянуть о царе, как в нашем воображении тут же появляется царь несправедливый. Но теперь, когда мы рассматриваем вопрос о государстве с царем во главе, мы о несправедливом царе не говорим. Итак, подумай о Ромуле, или о Помпилии, или о царе Тулле; ты, пожалуй, не станешь порицать этот государственный строй.

(48) *МУММИЙ*.– Какую же хвалу согласен ты воздать народному правлению в государстве?

СЦИПИОН.– А как же, Спурий, родосцы, у которых мы «давно были вместе с тобой»[3] Разве у них, по-твоему, нет государства?

МУММИЙ.– По моему мнению, есть и никак не заслуживающее порицания.

СЦИПИОН.– Ты прав. Но, если помнишь, все люди, правившие там

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 70

совместно, были то из плебса, то из сенаторов, причем они чередовались: в одни месяцы они выполняли обязанности народа, в другие исправляли должность сенаторов. Но в обоих случаях они получали жалование, причем в театре и в курии[4] одни и те же люди разбирали и уголовные, и все остальные дела. [Сенат] обладал такой же властью и таким же влиянием, какими владела толпа, ...[Лакуна]

Фрагменты из третьей книги

1. В некоторых людях имеется, так сказать, мятежное начало, которое Либо возбуждается при наслаждениях, либо при трудностях подавляется (Ноний,301,5).

2. Но для того, чтобы они сами испытывали свою душу, видя, что им, по их мнению, предстоит сделать, ...(Ноний, 364, 7).

3. Пунийцы первые, торгашеством и с товарами, ввели в Грецию алчность, роскошь и ненасытные страсти (Ноний, 431, 11).

4. Пресловутый Сарданапалл, пороками своими гораздо более отвратительный, чем даже своим

именем^[5] (Схолии к сатирам Ювенала, X, 362).

5. Разве только кто-нибудь захочет, в виде памятника, заново изваять Афон^[6]. Ведь какой Афон или Олимп столь велики, чтобы... (Присциан, VI, 13, 70).

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

^[1] Ср. Цицерон, «О законах», III, 19 и 23.

^[2] Игра слов. См. прим. 135 к кн. I.

^[3] В 141–139 гг. Сципион Эмилиан, с целью разбора некоторых династических споров в государствах Востока, подвластных Риму, в сопровождении Спурия Муммия, Луция Метелла Кальва и Панэтия совершил путешествие на Восток и посетил остров Родос.

^[4] В Греции *театр* был местом народных собраний; *курия* в Риме была местом заседаний сената. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Флакка», 16 слл.

^[5] Мифический царь Ассирии, ошибочно отождествлявшийся с Асурбанипалом (VII в.); по представлениям греков, тиранн, склонный к чувственным наслаждениям и роскоши. Окруженный врагами, он будто бы покончил с собой путем саможжения.

^[6] По свидетельству Витрувия («Об архитектуре», II, 2), зодчий Динократ предложил превратить гору Афон в огромную статую Александра Македонского.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(I, 1) Так как о теле и о душе уже было упомянуто, то я все же попытаюсь, насколько я, в скудоумии своем, это вижу, разъяснить сущность и того, и другого. Я нахожу нужным взять на себя эту задачу более всего по той причине, что Марк Туллий, муж выдающегося ума, попытавшись сделать это в своей четвертой книге о государстве, ограничил обширный материал узкими пределами, слегка коснувшись его краев, а дабы его никак не извиняли в том, что он не проследил этого вопроса до конца, он сам заявил, что у него не было недостатка ни в доброй воле, ни в старании. Ибо он сам в своей первой книге о законах, мимоходом коснувшись этого вопроса и подведя итог, говорят следующее: Сципион, мне кажется, достаточно ясно изложил этот вопрос в тех книгах, которые вы прочитали (Лактанций, «De orificio Dei», I, 11–13).

...и сам ум – тот, что грядущее предвидит, прошедшее помнит, ...(Ноний, 500, 9).

...И в самом деле, если нет человека, который не предпочел бы смерть превращению в какое-либо животное, – даже если бы он при этом сохранил человеческий ум, – то насколько более жалок удел, сохраняя человеческий образ, быть в душе зверем! Мне лично это кажется уделом более жалким

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 71

настолько, насколько душа выше тела (Лактанций, «Instil, div.», V, 11, 2)^[1].

...он не думает, что имущество агнца и имущество Публия Африканского представляет собой одинаковую ценность (Августин, «Против Юлиана Пелага», IV, 12, 59).

...и это же тело, становясь на пути как препятствие, создает ночной мрак для счета дней и для отдыха от трудов (Ноний, 234, 14).

...И когда осенью земля раскроется, чтобы принять семена, зимой разрыхлится, чтобы их сохранить, а в летней зрелости одно размягчит, а другое высушит, ...(Ноний, 343, 20).

...когда они поручают скот пастухам... (Ноний, 156, 16).

(II, 2) **СЦИПИОН.**– ...влияние. Как разумно распределены сословия, возрасты, разряды, всадники, вместе с которыми подают голоса и сенаторы! Впрочем, есть уже немало людей, неразумно желающих упразднения этого полезного порядка. Они добиваются новой раздачи денег на основании какого-то плебисцита насчет возврата коней^[2].

(III, 3) Теперь оцените, сколь мудро предусмотрено все остальное; ведь имелось в виду общество граждан, которые должны были жить счастливо и в почете. Ибо в этом и заключается первое основание для объединения людей^[3], и оно должно создаваться в соответствии с государственным устройством, отчасти в силу обычаев, отчасти на основании законов. Прежде всего было решено, чтобы для свободно-рожденных воспитание детей не было ни строго определенным законами, ни установленным от имени государства, ни единым для всех, между тем как греки напрасно

затрагивали на это много стараний: а наш гость Полибий[4] именно за это упрекает наши установления в невнимании; ибо...

...существовал обычай назначать поступавшим в войска телохранителей, дабы они руководили молодыми людьми в течение первого года их службы (Сервий, к «Энеиде», V, 546).

...не только в Спарте, где мальчиков учат похищать и воровать[5]... (Ноний, 20, 12).

...для юношей было позором, если у них не было любовников... (Сервий, к «Энеиде», X, 325).

(IV, 4) Сципион.— ...[запрещалось, чтобы] юноша обнажался[6]. Столь издалека проистекают, так сказать, основания стыдливости. Что касается упражнений юношества, то как неразумны они в гимназиях! Как легка пресловутая военная служба эфэбов![7] Как вольны и свободны прикосновения и проявления любви! Не стану говорить об элейцах и фиванцах, у которых страсть даже пользуется дозволенной и ничем не стесняемой вольностью, если она обращена к свободно-рожденным[8]. Сами лакедемоняне в любви к юношам позволяют все, кроме бесчестия, и отгораживают то, что запрещают, лишь очень тонкой стенкой; ибо они допускают объятии совместное спанье, если между людьми положены плащи.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 72

ЛЕЛИ И.– Я прекрасно понимаю, Сципион, что ты, когда речь идет об этих учениях греков, которые ты осуждаешь, предпочитаешь оспаривать постановления самых знаменитых государств, но только не спорить со своим дорогим Платоном, которого ты даже не упоминаешь,– тем более, что...

(V, 5) Слушатель Сократа, Платон, которого Туллий называет богом философов и который, один из всех, в своей философии более других приблизился к истине, все же, не зная бога, во многом допустил большие ошибки и заблуждался сильнее, чем кто-либо другой, и прежде всего в том, что потребовал в своих книгах о государстве, чтобы у всех все было общим. Что касается имущества, то это еще терпимо, хотя и не справедливо; ибо никому не должно ни повредить, если у него благодаря его усердию есть больше, ни послужить на пользу, если у него по его же вине меньше. Впрочем это, как я уже сказал, еще возможно как-то перенести. Но будут ли общими также и жены, также и дети? Тогда не будет никакого различия по крови, не будет ни определенного рода, ни семьи, ни родства, ни свойства; нет, все будет перемешано и неразлично, как в стадах скота. Мужчины будут лишены воздержности, женщины – целомудрия. Какая возможна и в тех, и в других супружеская любовь, когда в них нет определенного и особого расположения друг к другу? Кто станет чтить отца, не зная своего происхождения? Кто будет любить сына, которого считает чужим? Более того, Платон даже сохранил за женщинами доступ в курию, разрешил им военную службу, магистратуры и империй. Сколь несчастлив будет город, в котором женщины присвоят себе обязанности мужчин! (Лактанций, Эпитома, 33[38], 1–5).

...а наш Платон пошел еще дальше, чем Ликург; ведь он требует, чтобы все было общим достоянием,

дабы ни один гражданин не мог назвать ни одной вещи своей собственностью или принадлежащей лично ему^[9] (Ноний, 362, 11).

...Да, и туда же, куда Платон высылает Гомера, украшенного венками и умашенного благовониями, из того города, который он создает себе в своем воображении^[10], ... (Ноний, 308, 38).

(VI, 6) ...Замечание цензора почти не наносит осужденному ущерба, кроме того, что заставляет его покраснеть. Поэтому, коль скоро все это решение касается только доброго имени, то наказание и называется «утратой доброго имени» (Ноний, 24, 5).

...государство, как говорят, впервые ужаснулось от их суровости (Ноний, 423,4).

...и к женщинам не следует приставлять блюстителя, каковые обыкновенно назначаются у греков, но должен быть цензор, который мог бы обучать мужей обращению с женами (Ноний, 499, 13).

...Столь большую силу имеет воспитание скромности: все женщины обходятся без вина (Ноний, 5, 10).

...Также если у женщины была дурная слава, то родичи не целовали ее (Ноний, 306. 3).

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 73

...Таким образом наглость [petulantia] получила свое название от слова «просить» ipetere], навязчивость (procacitas) – от слова «попрошайничать» [procage], то есть «требовать» [poscere] (Ноний, 23, 17 и 21).

(VII, 7) Я не согласен с тем, чтобы один и тот же народ и повелевал всем миром, и собирал в нем пошрины. Но наилучшим источником дохода как в частных хозяйствах, так и в государстве я считаю бережливость (Ноний, 24, 15).

Сооружение театров, портиков и новых храмов я осуждаю с некоторой сдержанностью из уважения к Помпею^[11], но этого не одобряют ученейшие мужи, как сам Панэтий, которому я в этих книгах во многом следую, хотя и не перевожу его, а также и Деметрий Фалерский, порицающий Перикла, первого человека Греции, за то, что он истратил много денег на великолепные Пропилеи. Впрочем, я тщательно рассмотрел весь этот вопрос в книгах о государстве, которые я написал (Цицерон, «Об обязанностях», II, 60).

...Верность [fides], мне кажется, получила свое название потому, что сказанное делается (Ноний, 24, 11).

...В гражданине высокого положения и в знаменитом человеке льстивость, угодливость и честолюбие, по моему мнению, – признак ничтожности (Ноний, 194, 26).

Все те, которые стараются приобрести уважение людей, устраивая для них угощения и пирушки и тратя деньги, открыто дают понять, что лишены истинного блеска, придаваемого доблестью и достоинством (Помпей Трог).

Останови на короткое время свое внимание именно на книгах о государстве, из которых ты почерпнул свое чувство преданнейшего гражданина, так как для честных людей не существует меры или предела в их заботах об отечестве, останови свое внимание, заклиная тебя, и посмотри, сколь великая

хвала воздается в них бережливости, воздержности, а также « верности узам брака и чистым, добропорядочным и честным нравам (Августин, Послания, 91, 3).

(VIII, 8) Я восхищаюсь изысканностью, не только содержания, но и слов. «Если они ссорятся», – говорится там[12]. Столкновения между благожелательно настроенными людьми (не тяжба между недругами) называются ссорой... Итак, закон считает, что соседи ссорятся между собой, а не ведут тяжбу (Ноний, 430, 29).

...такие же пределы существуют для человеческих забот и жизни; так, согласно понтификальному праву, неприкосновенность места погребения... (Ноний, 174, 7).

...я так как они оставили непогребенными тех, чьих тел они не смогли найти в море из-за сильной бури, то они, хотя и были невиновны, были казнены[13] (Ноний, 293, 41).

...и в этом споре я встал на сторону не народа, а лучших людей... (Ноний, 519, 14).

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 74

...Ведь не легко противодействовать сильному народу, если держишь его в полном или в почти полном бесправии (Прициан, XV, 4, 20).

...О, если бы я предсказал ему будущее правильно, надежно и обстоятельно! (Ноний, 469, 16).

(IX, 9) Всякий раз, как до них дойдут крики и одобрение народа, словно он, так сказать, великий и мудрый наставник, то какую напускают они темноту, какие опасения внушают они, какие страсти разжигают![14] (Августин, «О государстве божьем», II, 14).

Цицерон говорит, что, проживи он даже две жизни, у него все же не нашлось бы времени прочитать лирических поэтов (Сенека, Письма, 49, 5).

(X, 10) *СЦИПИОН*.—...Так как они считали сценическое искусство и театр вообще позорящими человека, то они постановили, чтобы такие люди не только были лишены почета, подобающего другим гражданам, но даже подлежали исключению из трибы на основании порицания цензора[15] (Августин, «О государстве божьем», II, 13).

(11) *СЦИПИОН*.— Комедии, если бы обычаи повседневной жизни не терпели их, не могли бы заслужить одобрения зрителей своими позорными представлениями. [Лакуна] ...кого комедия не затронула, вернее, не терзала? Допустим, что она задела народных вожаков, негодяев, питавших мятежные намерения по отношению к государству, – Клеона, Клеофонта, Гипербола[16]. Стерпим это, хотя было бы лучше, если бы порицание таким гражданам высказал цензор, а не поэт, то оскорблять Перикла после того, как он уже в течение многих лет, пользуясь величайшим авторитетом, во времена мира и войны стоял во главе своего государства, и произносить эти стихи на сцене было не более пристойно, чем если бы наш Плавт или Невий захотели поносить Публия и Гнея Сципионов[17], а Цецилий[18] – Марка Катона....

(12) Напротив, наши Двенадцать таблиц[19], назначив смертную казнь лишь за очень немногие

преступления, признали нужным назначить ее также и в том случае, если кто-нибудь станет распевать или сложит песню, поносящую и позорящую другого человека. Превосходно; ибо наша жизнь должна подлежать суду магистратов и рассмотрению по закону, а не суду поэтов, и мы должны выслушивать хулу только при условии, что нам позволят отвечать и защищаться в суде. ...Древние римляне не соглашались на то, чтобы кого бы то ни было, при его жизни, на сцене восхваляли или порицали (Августин, «О государстве божьем», II, 9).

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] По-видимому, имеется в виду Сервиева реформа. См. II, 39 сл. Вплоть до второй половины II в. сенаторы голосовали в центуриатских комициях вместе с римскими всадниками, подававшими голоса после голосования *centuriae praerogativae*, т. е. центурии, голосовавшей в первую очередь; она назначалась в первом разряде по жребию. См. Ливии, XXXIX, 44.

[2] Речь идет о *плебисците*, принятом в пользу римских всадников. См. Цицерон, «Рече в защиту Клуенция», 134.

[3] См. I, 39. Гр. Аристотель, «Политика», I, 1252 b – 1253 a.

[4] См. прим. 96 к кн. I.

[5] См. Плутарх, «Ликург», 17 сл.

[6] Римские обычаи не позволяли взрослому сыну мыться в бане вместе с отцом, зятю вместе с тестем. См. Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 141; «Об обязанностях», I, 129.

[7] *Эфеб (грея.)* – юноша. В Афинах юноши начинали военную службу в 18-летнем возрасте; она длилась два года.

[8] См. Платон, «Пир», 182 B.

[9] См. Платон, «Государство», III, 416 сл.; V, 47; Плутарх, «Ликург», 8 слл., 15; Полибий, VI, 45, 3; 48, 3.

[10] См. Платон, «Государство», III, 397 – 398 A.

[11] Первый каменный театр в Риме был построен Гнеем Помпеем в 55 г.; он имел 27 000 мест для сидения и отличался большой пышностью; к нему примыкали портики и два храма – Венеры и Победы. См. Цицерон, «Об обязанностях», II, 60; «Письма к близким», VII, 1,2 (127).

[12] Возможно, цитата из законов Двенадцати Таблиц. См. кн. II, 54 слл.

[13] Во время Пелопоннесской войны, после победы афинского флота под Аргинусскими островами (406 г.), из-за бури на море оказалось невозможным найти в море и предать земле тела многих погибших. Шестеро афинских морских военачальников за это были преданы суду и, несмотря на заступничество Сократа (см. следующий фрагмент), осуждены на казнь. См. Ксенофонт, «*Hellenica*», I, 7, 12.

[14] По-видимому, речь идет об авторах комедий.

[15] См. Ливии, VII, 2, 12.

[16] Афинские демагоги, осмеянные Аристофаном

[17] См. I, 1.

[18] *Цецилий Стаций* (около 230–168) – ученик Энния, автор комедий из римской жизни, известных нам только по названиям и отдельным упоминаниям римских писателей.

[19] См. II, 61.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ КНИГА ПЯТАЯ

(I, 1) Итак, в ту пору римское государство уже не было даже таким, каким его описывает Саллюстий, – наихудшим и низко павшим, как он говорит; нет, государства вообще не существовало – если рассматривать его с точки зрения, которая была высказана в беседе о государстве, состоявшейся тогда между выдающимися людьми. Так заявляет и сам Туллий, не приводя ни слов Сципиона, ни чьих бы то ни было еще, но говоря своими собственными, в начале пятой книги, сперва напомнив стих поэта Энния, гласящий (Августин, «О государстве божьем», II, 21):

Древний уклад и мужи – вот римской державы опора[1].

Стих этот, ввиду его краткости и правдивости, поэт, мне кажется, изрек, как бы уподобясь оракулу: ибо ни эти мужи, если бы гражданам не был

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 76

присущ такой уклад, «и уклад, если бы мужи эти не стояли во главе гражданской общины, не смогли бы ни основать, ни так долго сохранять столь великое государство, могущество которого столь далеко и столь широко распространялось. Поэтому еще до наших времен сам дедовский уклад привлекал лучших мужей к деятельности, а выдающиеся мужи хранили древний уклад и заветы предков. (2) Наше же поколение, получив государство как превосходную картину, но уже потускневшую от времени, по небрежности своей не только не обновило ее теми же красками, какими она была написана, но даже не позаботилось о сохранении хотя бы ее общего вида и как бы очертаний. И в самом деле, что остается от древнего уклада, этой, по выражению поэта, опоры римской державы? Ведь он, как мы видим, предан такому полному забвению, что его теперь не только не чтут, но уже и не знают. А о мужах что могу я сказать? Ведь сам уклад утрачен нами вследствие отсутствия мужей, и в этом огромном зле мы должны не только отдать отчет, но как бы и ответить перед судом, словно мы обвиняемся в государственном преступлении. Ибо мы, вследствие своих собственных пороков, а не какой-нибудь случайности, государство сохраняем на словах, но в действительности уже давно его утратили (Августин, «О государстве божьем», II, 21).

В своем сочинении о государстве Туллий говорит, что правитель государства должен быть выдающимся и ученейшим мужем; при этом он должен быть и мудрым, и справедливым, и воздержным, и красноречивым, дабы ему было легко своей непринужденной речью проявлять скрытые качества своего духа к править плебсом. Он также должен быть сведущим в праве, знать сочинения греков, что подтверждается примером Катона, который, в глубокой старости обратившись к изучению сочинений греков, доказал, сколь велика их польза (M. Tulli Ciceronis de re publica librorum fragmenta. Rec. Fr. Osannus. Gottingae, 1847. P. 349, из рукописного комментария к Цицерону).

(II, 3) *МАНИЛИИ* (?).– [Лакуна.] ...[Ничто не было в такой мере] признаком царской власти, как проявление справедливости[2]; оно включало в себя истолкование права, так как частные люди обыкновенно искали правосудия у царей, и по этой причине устанавливались границы пахотной земли, лесов и обширных и тучных пастбищ, которые должны были быть царскими и обрабатываться без усилий и труда царей; таким образом, никакая забота о личных делах не должна была отвлекать их от дел народа. И ни один частный человек не был ни судьей, ни арбитром по тяжбе; все вершилось царским судом. И, по моему мнению, наш царь Нума строго придерживался этого древнего обычая царей Греции. Ведь наши другие цари, хотя исполняли также и эти обязанности, все же значительную часть своего времени тратили на ведение войн и занимались законами войны; между тем продолжительный мир при Нуме был для нашего города матерью права и религии. Ведь Нума также составлял законы[3], которые,

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 77

как вы знаете, сохранились, а это свойственно именно такому гражданину, о каком мы говорим. ... [Лакуна].

(III, 4) ...но все же ему, как и заботливому хозяину, нужен опыт в обработке земли, в возведении построек, в расчетах (Ноний, 497, 23).

(5) *СЦИПИОН*.– Разве тебе не будет приятно знать толк в деревьях и семенах?

М АНИЛИН.– Отнюдь нет, если только будет надобность в этом.

СЦИПИОН.– Неужели ты полагаешь, что все это – дело одного только управителя усадьбой?

М АНИЛИН.– Вовсе нет, так как его забот было весьма часто недостаточно для обработки земли.

СЦИПИОН.– Следовательно, как управитель усадьбой знает свойства земли, а счетовод сведущ в ведении записей, но оба они отказываются от удовольствия, получаемого от наук, и обращаются к полезной деятельности, так этот наш правитель, конечно, постарается изучить право и законы, во всяком случае, узнать их источники; он не должен постоянно задерживаться на разрешении вопросов, чтении и записях и этим лишать себя возможности ведать делами государства и быть в нем, так сказать, управителем усадьбой, как человек, владеющий основами права, без знания которых никто не может быть справедливым; он также должен хорошо знать гражданское право, но обладать таким же опытом, каким в движении звезд обладает кормчий, а в естестве – врач; ведь и тот, и другой используют эти знания для своего искусства, но не в ущерб исполнению своих обязанностей. Но муж этот поймет, что... [Лакуна]

(IV, 6) *СЦИПИОН* (?).–...государства, в которых лучшие люди добиваются хвалы и почестей, а от позора и бесчестия бегут. И их действительно отпугивает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами[4], сколько чувство стыда, данное человеку природой и как бы заставляющее его бояться вполне справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и

доводит до полной силы установлениями и философскими учениями, – дабы совесть не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления. И все это приносит славу; это можно было изложить более обстоятельно и более подробно[5].

(V, 7) Но для повседневной жизни законными браками, рождением законных детей, святостью мест пребывания богов-пенатов и домашних ларов[6] создан определенный порядок[7] – с тем, чтобы все могли пользоваться и всеобщими, и своими личными выгодами, чтобы нельзя было жить без государства, хорошо устроенного, и чтобы самым счастливым был «хорошо устроенное государство. Поэтому мне обыкновенно кажется весьма странным, что может существовать такое великое философское учение, ...[Лакуна]

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 78

(VI, 8) ...Как благоприятное плавание для кормчего, здоровье для врача, победа для императора[8], так для этого правителя государства служит целью счастливая жизнь» граждан – с тем, чтобы она была обеспеченной средствами, богатой благодаря изобилию, великой благодаря славе и почетной благодаря доблести. Я хочу, чтобы он был исполнителем этого величайшего и прекрасного человеческого труда (Цицерон, «Письма к Аттику», VIII, 11, 1).

...И где он, так как и ваши писания прославляют этого правителя отечества, который заботится о пользе народа больше, чем о его желаниях? (Августин, Послания, 104, 7).

(VII, 9) ...наши предки, движимые жадной славой, совершили много изумительных и великих подвигов (Августин, «О государстве божьем», V, 13).

...первенствующий в государстве человек должен вскармливаться славой, и государство стоит прочно до тех пор, пока все оказывают почет первенствующему человеку (Petrus Pictaviensis, Epist. ad calumniat. Bibl.).

...тогда он доблестью, трудом, настойчивостью своей оберегал бы прирожденные качества выдающегося мужа, если бы его неукротимый характер каким-то образом чересчур настойчиво его не... (Ноний, 233, 39).

...Эта доблесть называется храбростью; она включает в себе величие духа, а к смерти и страданию глубокое презрение (Ноний, 201, 29).

(VIII, 10) Марцелл, как человек сильный духом и воинственный; Максим, как человек осмотрительный и медлительный, ... (Ноний, 337, 34).

...включенных во весь мир... (Харизий, I, 139, 17).

...так как он мог бы уделить вашим семьям кое-что из тягот своей старости (Ноний, 37, 26).

(IX, 11) ...как лакедемонянину Менелаю была присуща, так сказать, сладостная приятность речи[9]; ...пусть он, произнося речь, стремится к краткости (Геллий, XII, 2, 6 сл.).

СЦИПИОН. – И так как в государстве самым неподкупным должно быть голосование, высказывание мнения[10], то я не понимаю, почему тот, кто все это купит за деньги, заслуживает кары, а тот, кто купит это своим красноречием, даже

удостоивается похвалы. Я лично полагаю, что в подкупе судьи речью больше зла, чем в его подкупе платой, так как подкупить честного человека деньгами не может никто, а подкупить речью может (Аммиан Марцеллин, XXX, 4, 10).

...Когда Сципион сказал это, Муммий вполне согласился с ним, так как чувствовал ненависть к риторам (Ноний, 521, 2).

...тогда превосходные семена были бы брошены в землю в надежде на прекрасный урожай (Аноним, комментарии к «Георгикам» Вергилия).

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 79

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] Эний, «Анналы», фрагм. 467 Уормингтон.

[2] См. I, 53; «Речь по делу Цецены», 37; «Об ораторе», I, 240.

[3] Ср. II, 26.

[4] Ср. III, 18.

[5] В 44 г. Цицерон написал трактат «О славе». См. «Письма к Аттику», XV, 27, 2 (765); XVI, 2, 6 (772).

[6] *Lar familiaris* первоначально считался покровителем земельного участка и людей, обрабатывавших его. В городе лары считались покровителями перекрестков (*Lares coarpitales*). Праздник Ларалий (или Компиталий) справлялся 23 декабря. См. Плавт. «Клад», Пролог.

[7] См. Цицерон, «О законах», II, 47 слл.

[8] Об *императоре* см. прим. 36 к кн. III.

[9] См. Гомер, «Илиада», III, 212 слл.

[10] Технический термин. См. прим. 57 к кн. II.

КНИГА ШЕСТАЯ

(I, 1) ...Если бы мне не было внушено этих помыслов о триумфе, которые также и ты одобряешь, то ты, право, не долго искал бы того мужа, который изображен в шестой книге. И в самом деле, к чему мне хитрить с тобой, проглотившим эти книги? Более того, именно теперь не поколеблюсь я отказаться от столь великого дела, если это будет более правильно. Но и то, и другое одновременно невозможно: честолюбиво добиваться триумфа и сохранять свободу в государственных делах (Цицерон, «Письма к Аттику», VII, 3, 2).

...Итак, ты ожидаешь от этого правителя полного предвидения, которое даже это свое наименование (получило от слова «предвидеть» (Ноний, 42, 3).

...Вот почему этот гражданин должен подготовиться, дабы всегда быть во всеоружии против всего того, что колеблет государственный строй (Ноний, 256, 27).

...И этот разлад между гражданами, когда они бредут врозь, – одни к одним, другие к другим, – называется распрей (Ноний, 25, 3).

...И право, при раздорах между гражданами, когда честные люди представляют собой большую ценность, чем толпа, граждан, полагаю я, следует оценивать по их весу, а не по их числу (Ноний, 519, 17).

...Ибо жестокие властительницы помышлений наших – страсти – повелевают нами и толкают нас на все, что угодно; и так как страсти эти не возможно ни удовлетворить, ни насытить, то тех, кого они воспламенили своими приманками, они побуждают к любому преступлению (Ноний, 424, 31).

...который сломил его силу и эту необузданную дикость (Ноний, 492, 1).

(II, 2) И это проявлялось тем сильнее еще и потому, что, хотя они как коллеги были в одинаковом положении, они не вызывали одинаковой ненависти к себе; более того, любовь к Гракху смягчала ненависть к Клавдию [1] (Геллий, VII, 16, 11; Ноний, 290, 15).

...кто в этих выражениях обещал свою помощь множеству оптиматов и первенствующих людей, тот утратил строгое и полное достоинства звучание своих речей и свое высокое положение (Ноний, 409, 31).

...чтобы, как он пишет, изо дня в день тысяча человек в одеждах, окрашенных пурпуром, спускалась на форум [2] (Ноний, 501, 27).

...у них, как вы помните, при стечении жалкой толпы, собравшейся за деньги, неожиданно были устроены похороны [3] (Ноний, 517, 35).

...Ведь предки наши повелели, чтобы браки были прочны и нерушимы (Ноний, 512, 27).

...Речь Лелия, которая имеется у всех нас, о том, сколь по-сердцу бессмертным богам ковши понтификов и, как он пишет, самосские чаши с ручками [4]... (Ноний, 398, 28).

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 80

(III, 3) В подражание Платону, Цицерон в своем

сочинении о государстве также описывает нечто подобное воскресению памфиляйца Эра, который, когда его положили на костер, будто бы ожил и поведал людям много тайн о подземном царстве[5].

Цицерон изложил это, не прибегая к встречающемуся в сказках правдоподобию, но создал свой рассказ путем, как сказать, искусного изображения сложного сновидения, то есть как ученый пояснил, что то, что говорят о бессмертии души и о небе, не вымысел философов-мечтателей, и не рассказы, не заслуживающие веры и высмеиваемые эпикурейцами, а догадки мудрецов (Favonius Eulogius, Comment, ad Somnium Scip., p. 1, 5 Hold.).

(IV, 4) Некоторые из нас, любящие Платона за его редкостное красноречие и правдивые высказывания, говорят, что он, подобно нам, сказал кое-что и о воскресении мертвых. Этому касается Туллий в своих книгах о государстве, утверждая, что Платон скорее шутил, чем хотел сказать, что его утверждения истинны (Августин, «О государстве божьем», XXII, 28).

(VIII, 9) Ведь самого Сципиона следующий случай побудил рассказать о своем сновидении, о котором он, по его собственному свидетельству, до того времени молчал: когда Лелий стал жаловаться на то, что Насике не было в общественных местах воздвигнуто статуй в награду за убийство тиранна. Сципион, между прочим сказал:

Хотя для мудрецов само сознание того, что они совершили выдающиеся деяния, есть высшая награда за доблесть, однако это: богами внушенная доблесть требует не статуй, скрепленных свинцом, не триумфов с сохнувшими лаврами, но наград, более долговечных и невянущих.

ЛЕЛИЙ. – Какие же это награды?

СЦИПИОН. – Позвольте мне, так как уже наступил третий день празднеств, ...

И далее он переходит к рассказу о своем сновидении и разъясняет, что более долговечные и невянущие награды – те, которые он видел сам, награды, сохраненные для доблестных правителей государств (Макробий, Комментарии к сновидению Сципиона, I, 4, 2) (VI, 6) Сохраняя этот порядок, Туллий оказался не менее умен, чем одарен. После того, как он во все времена – и на досуге от дел, и во время своей государственной деятельности – в рассуждениях своих отдал пальму первенства справедливости, он поместил священные обители бессмертных душ и тайны небесных областей на вершине законченного им творения, указав, куда следует прийти, вернее, возвратиться тем, кто правил государством, проявляя мудрость, справедливость, храбрость и воздержность, А выведенный Платоном разгласитель тайн, по имени Эр, по происхождению памфилиец, солдат по роду занятий, вследствие ранений, полученных им в сражении, казалось, испустил дух; через двенадцать дней, когда ему, вместе с другими солдатами, павшими вместе

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 81

с ним, собирались оказать почести, разведя последний костер, он внезапно (получил ли он жизнь снова или не терял ее) поведал людям обо

всем том, что делал и видел в течение дней, прошедших между его обеими жизнями, словно сообщал об этом властям. Хотя Цицерон, конечно, зная сам, где правда, сожалеет, что невежественные люди высмеяли этот рассказ, он все же, избегая этого примера, который, ввиду своей нелепости, мог бы вызвать порицание, предпочел разбудить рассказчика, а не возвращать его к жизни.

(VII, 7) Но прежде чем истолковать содержание сна, нам следует разобраться в том, о каких людях, будто бы высмеявших рассказ Платона, упоминает Туллий, вернее, со стороны каких людей он не боится такого же отношения к себе самому. Ведь он не хочет, чтобы под этими словами понимали неискушенную чернь, но имеет в виду людей, не ведающих истины, хотя и хвастающих своей ученостью; ведь о них было известно, что они, хотя и прочитали такие произведения, но склонны их осуждать. Итак, скажем, кто, по его словам, проявил, так сказать, легкомыслие, высказав устное порицание столь великому философу, и кто из них даже оставил обвинение в письменном виде...

Вся клика эпикурейцев, в своем общем для них заблуждении всегда далекая от истины и всегда считающая заслуживающим осмеяния то, чего она не знает, высмеяла священный свиток и глубоко почитаемые тайны природы. Колот же, среди слушателей Эпикура пользовавшийся довольно дурной славой и более известный своей болтливостью, даже изложил в виде книги все то, что он со злобной колкостью обо всем этом высказал. Но прочее, что он несправедливо заклеил и что не относится к сновидению, о котором здесь идет речь, мы можем в этом месте пропустить. Мы обратимся к той клевете, которая, если не будет опровергнута, останется в силе по отношению и к Цицерону, и к Плаюну. По его словам, философу не подобало придумывать басню, так как людям, возвещающим истину, не пристал никакой вид вымысла. Почему же, – говорит он, – если ты захотел сообщить нам сведения о небесных явлениях и о состоянии душ, ты не избрал пути простого и совершенного изображения, но выведенное тобой действующее лицо, придуманная тобой необычность события и составленная тобой вымышленная картина осквернили ложью уже самые двери, ведущие к искомой истине? Так как этот рассказ, когда он касается Эра, о котором пишет Платон, не дает покоя также и нашему Публию Африканскому, видящему сон, ...то окажем сопротивление нападающему; он должен быть отвергнут как злостный обвинитель – с тем, чтобы, когда будет развеяна клевета на одного, деяние обоих этих людей, как это и должно быть, сохранило свое достоинство в неприкосновенности (Макробий, Комментарии к сновидению Сципиона, I, 1, 8–2, 5).

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] *Гай Клавдий Пульхр* был консулом в 177 г.; (цензором он был в 169 г., вместе с Тиберием Семпронием Гракхом (отцом знаменитых трибунов); обвиненные в государственной измене в связи с их борьбой против злоупотреблений откупщиков, они были

оправданы судом.

[2] Цитата из Филарха, афинского историка III в.; речь идет о колофонях. См. Афиней, XII, 526 а.

[3] Возможно, речь идет о Квинте Фабии Максиме Кунктаторе. См. Плутарх, «Фабий», 17.

[4] Имеется в виду *речь Лелия*, произнесенная им как претором в 145 г. Он возражал против предложения трибуна Гая Лициния Красса об установлении выборности членов жреческой коллегии (вместо кооптации).

[5] См. Платон, «Государство», X, 614 В слл.

Сновидение Сципиона

(IX, 9) *СЦИПИОН*.– Когда Я прибыл в Африку под начало консула Мания Манилия[1], в четвертый легион, как вы знаете, в качестве военного трибуна[2], ничего я так не хотел, как встретиться с царем Масиниссой[3], который с полным на то основанием был лучшим другом «ашей ветви рода.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 82

Как только я к нему явился, старец, обняв меня, прослезился; затем он обратил свой взор к небу и сказал: «Благодарю тебя, Высокое Солнце[4], и вас, другие небожители, за то, что мне, прежде чем я уйду из этой жизни, дано увидеть в своем царстве и под этим кровом Публия Корнелия Сципиона, чье одно уже имя возвращает мне силы. Ведь в моей душе всегда живы воспоминания о том наилучшем и совершенно непобедимом муже»[5]. Затем я расспросил его о его царстве, а он меня – о наших государственных делах, и весь этот день прошел у нас в оживленной беседе.

(X, 10) После этого, когда я был принят с царской пышностью, мы продолжили беседу до глубокой ночи, причем старец говорил только о Публии Африканском и, как казалось, помнил все его не только деяния, но и высказывания. Потом, едва мы расстались и легли спать, я, и утомленный дорогой, и бодрствовавший до глубокой ночи, заснул более глубоким сном, чем обычно. В нем мне – думаю, в связи с тем, о чем мы беседовали[6] (ведь вообще бывает, что наши помышления и разговоры порождают во сне нечто такое, о чем Энний пишет относительно Гомера[7], о котором он, по-видимому, часто размышлял и говорил наяву) – явился Публий Африканский в том виде, в каком он, по своему восковому изображению, мне знаком больше, чем по его живому облику[8]. Как только я узнал его, я содрогнулся, но он молвил: «Будь тверд, Сципион[9], и отбрось страх, а то, что я тебе скажу, передай потомкам.

(XI, 11) Видишь ли ты вон тот город, который, хотя я и заставил его покориться римскому народу, снова вступает на путь войн и не может оставаться мирным?»[10] При этом он с какого-то высоко находящегося и полного звезд, светлого и издалека видного места[11] указал мне на Карфаген. «Осаждать этот город ты теперь явился сюда чуть ли не как простой солдат[12]. Ты как консул разрушишь его через два года, и у тебя будет тобой самим заслуженное прозвание, которое ты пока еще носишь как унаследованное от меня[13]. А после того, как ты разрушишь Карфаген, справишь триумф[14], будешь цензором, как посол отправишься в Египет, в Сирию, в Азию, в Грецию, ты будешь вторично избран в консулы заочно[15], завершишь величайшую войну и разрушишь Нуманцию[16]. Но когда ты на колеснице въедешь на Капитолий, ты застанешь государство потрясенным замыслами моего внука[17].

(XII, 12) Здесь именно ты, Публий Африканский, должен будешь явить отечеству свет своего мужества, ума и мудрости. Но я вижу как бы двойкий путь, определенный роком на это

время[18]. Ибо, когда твой возраст совершит восемь семь оборотов и возвращений солнца[19], а эти два числа, из которых одно по одной, другое по другой причине считается полным[20], в своем естественном обороте завершат число лет, назначенное тебе роком, то к тебе одному и к твоему имени обратятся все граждане, на тебя будет смотреть сенат, «а тебя – все честные люди, на тебя – союзники, на

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 83

тебя – латиняне[21]; ты будешь единственным человеком, от которого будет зависеть благополучие государства, и – буду краток – ты должен будешь как диктатор установить в государстве порядок, если только тебе удастся спастись от нечестивых рук своих близких[22]».

Тут у Лелия вырвался возглас, а остальные глубоко вздохнули, на что Сципион заметил с ласковой улыбкой: «Пожалуйста, соблюдайте тишину, а то вы меня разбудите. Немного внимания, дослушайте до конца».

(XIII, 13) «Но знай, Публий Африканский, дабы тем решительнее защищать дело государства: всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы[23], назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, травящему всем миром, – во всяком случае, всем происходящим на земле, – как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами[24]; их правители и охранители, отсюда отправившись[25], сюда же и возвращаются».

(XIV, 14) Здесь я, хотя и был охвачен ужасом – не столько перед смертью, сколько перед кознями родных, все же спросил, живы ли он сам, отец мой Павел и другие, которых мы считаем умершими. «Разумеется, – сказал он, – они живы; ведь они освободились от оков своего тела, словно это была тюрьма, а ваша жизнь, как ее называют, есть смерть[26]. Почему ты не взглянешь на отца своего Павла, который приближается к тебе?» Как только я увидел его, я залился слезами, но он, обняв и целуя меня, не давал мне плакать.

(XV, 15) Когда я, сдержав лившиеся слезы, снова смог говорить, я спросил его: «Скажи мне, отец, хранимый богами и лучший из всех: так как именно это есть жизнь, как я узнал от Публия Африканского, то почему же я и долее нахожусь на земле? Почему мне не поспешить сюда к вам?» – «О, нет, – ответил он, – только в том случае, если божество, которому принадлежит весь этот вот храм[27], что ты видишь, освободит тебя из этой тюрьмы, твоего тела, для тебя может быть открыт доступ сюда[28]. Ведь люди рождены для того, чтобы не покидать вон того называемого Землей шара, который ты видишь посреди этого храма[29], и им дана душа из тех вечных огней, которые вы называете светилами и звездами; огни эти, шаровидные и круглые, наделенные душами и божественным умом[30], совершают с изумительной скоростью свои обороты и описывают круги. Поэтому и ты, Публий, и все люди, верные своему долгу, должны держать душу в тюрьме

своего тела, и вам – без дозволения того, кто вам эту душу дал,— уйти из человеческой жизни нельзя, дабы не уклониться от обязанности человека, возложенной на вас божеством[31]. (XVI, 16) Но, подобно присутствующему здесь деду твоему, Сципион, подобно мне, породившему тебя, блюди и ты справедливость и исполни свой долг, а этот долг, великий по отношению к родителям и близким, по отношению к отечеству величай-

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 84

ший[32]. Такая жизнь – путь на небо и к сонму людей, которые уже закончили свою жизнь и, освободившись от своего тела, обитают в том месте, которое ты видишь (это был круг с ярчайшим блеском, светивший среди звезд) и которое вы, следуя примеру греков, называете Млечным кругом».

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] *Маний Манилий Непот* – в 149г. консул вместе с Луцием Марцием Ценсоринном, начальствовал над войсками, осадившими Карфаген в начале третьей пунической войны.

[2] *Военные трибуны* (tribuni militum) были офицерами, в течение двух месяцев командовавшими по очереди легионом. В легионе было шесть военных трибунов. Для первых четырех легионов они избирались комициями (tribuni militum comitiati); для остальных они назначались консулом (tribuni militum rufuli).

[3] Нумидийский царь *Масинисса* (240–169) в начале второй пунической войны был на стороне Карфагена; с 206 г. он стал союзником Рима. Сципион Старший восстановил его на престоле и расширил его владения за счет владения царя Сифакса.

[4] О культе Солнца и Луны у ливийцев см. Геродот, IV, 188; Платон, «Краток», 397 С.

[5] Имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский Старший.

[6] Ср. Цицерон, «О предвидении», II, 128; Лукреций, IV, 962 слл.

[7] Энний, «Анналы», фрагм. 4 сл. Уормингтон; Лукреций, I, 117 слл.; Гораций, «Послания», II, 1, 50.

[8] Речь идет о восковой маске умершего (imago). Восковая маска курульного магистрата хранилась его потомками в особом шкапу; ее несли во время похорон того или иного члена рода; это право называлось ius imaginum. Сципион Старший умер в 103 г. Сципион Эмилиан родился, по-видимому, в 185 г.

[9] Обращение по прозвищу «Сципион» должно означать, что Эмилиан, будучи Сципионом, не должен испытывать страха.

[10] Имеются в виду первая и вторая пунические войны. В Карфагене, после поражения во второй пунической войне ставшем данником Рима и обязавшемся разоружиться, снова восторжествовала военная партия.

[11] Млечный путь. См. ниже, § 16; Цицерон, перевод «Феноменов» Арата, 249.

[12] Преувеличение, подчеркивающее контраст между Эмилианом, военным трибуном, и будущим завоевателем Карфагена. Для молодого человека из нобилитета военный трибуна́т был началом военной карьеры. В нарушение Виллиевого закона (см. прим. 54 к кн. 1), Эмилиан был избран в консулы, не достигнув 42 лет. См. Цицерон, «О дружбе», 11.

[13] Имеется в виду почетное прозвание «Африканский». Карфаген был взят в 146 г., когда Сципион был уже проконсулом; он был консулом в 147 г.

[14] *Триумфом* назывался религиозный акт, празднество в честь Юпитера Феретрийского, приуроченное к возвращению полководца (императора), одержавшего решительную победу над внешним врагом, во время которой он сам командовал войском. В ожидании разрешения сената справить триумф полководец находился в окрестностях Рима (ad Urbem) и должен был получить на этот день империй в Риме (imperium in Urbe), насчет чего издавался куриатский закон. В шествии участвовали сенаторы и магистраты; за ними шли трубачи, несли предметы военной добычи, изображения взятых городов, вели быков для жертвоприношения и наиболее важных пленников в оковах. За ними в триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, стоя ехал триумфатор в тоге, расшитой звездами и с лавровой ветвью в руке; лицо триумфатора было выкрашено в красный цвет (как на древнейших изображениях Юпитера); государственный раб держал над его головой золотой венок. Колесницу окружали ликторы, связки которых были обвиты лавром. За полководцем ехали верхами его военные трибуны и легаты. Шествие замыкали солдаты, иногда распевавшие песни с насмешками над триумфатором. Процессия вступала в город через Триумфальные ворота, проходила через Большой цирк, forum boarium, Велабр и форум. На Капитолийском склоне пленников уводили и чаще всего казнили. В Капитолии триумфатор приносил жертву Юпитеру Феретрийскому и слагал с себя венок. Его имя вносили в списки триумфаторов (fasti triumphales); он получал право появляться в расшитой тоге во время общественных игр.

[15] Сципион Эмилиан был цензором в 142 г. и вторично консулом в 134 г. О его легатстве см. прим. 63 к кн. III.

[16] В 132 г. Сципион Эмилиан получил прозвание «Нумантинский» в связи с его триумфом по окончании Нумантинской войны.

[17] Имеется в виду враждебный интересам нобилитета земельный закон трибуна 133 г. Тиберия Гракха, старшего сына Корнелии, дочери Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего.

[18] Т. е. после возвращения Сципиона из-под стен Нуманции и до его смерти (133–129). Тон пророчества: частое у древних противопоставление короткой жизни, проведенной в государственной деятельности и на войне, и долгой жизни, проведенной в погоне за наслаждениями. Ср. миф о Геркулесе на перепутье.

[19] Торжественный тон: 56 лет, возраст Сципиона Эмилиана в год его смерти. Речь идет о видимом движении Солнца по эклиптике: оно описывает вокруг земли окружность, поднимаясь от тропика Козерога к тропику Рака (anfractus), а затем опускаясь в обратном направлении (reditus). См. Арат, «Феномены», 60 сл., 264 (перевод Цицерона); Лукреций, V, 683; Цицерон, «О природе богов», II, 102.

[20] См. прим. 50 к кн. I.

[21] «Честные люди» – оптиматы. О союзниках и латинянах см. прим. 93 к кн. I; см. прим. 47 к кн. III.

[22] Сципион Эмилиан был найден мертвым в своей постели утром того дня, когда он намеревался выступить против судебного закона Тиберия Гракха. В его смерти обвиняли Корнелию, мать Гракхов, его жену Семпронию, их сестру, и триумвиров по распределению земли – Гая Паприя Карбона, Марка Фульвия Флакка и

Гая Гракха. Свидетельства источников противоречивы. Ср. I, 31; Цицерон, «Речь в защиту Милона», 16; «О дружбе», 12; Макробий, «Сатурналии», III, 14, 6.

[23] Ср. I, 2, 12.

[24] Ср. I, 39.

[25] Т. е. из области Млечного пути. По учению пифагорейцев, душа человека – астрального происхождения, состоит из эфира и огня и является порождением божественного разума. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 66 слл.

[26] В соответствии с учением Платона и пифагорейцев. См. Платон, «Федон». 67 С—D; Цицерон, «О старости», 75, 77; «О дружбе», 14; «Тускуланские беседы», I, 75.

[27] Гетрум – первоначально часть неба, которую авгур своим посохом отграничивал для наблюдения знамений; впоследствии – освященный участок земли, затем – здание (храм); здесь – вселенная. См. ниже, § 24; Платон, «Федон», 62.

[28] Платон и пифагорейцы не допускали самоубийства. См. Платон, «Федон», 62 В; Цицерон, «О старости», 73.

[29] В соответствии с геоцентрическим учением о вселенной. См. Цицерон, «О природе богов», II, 37; «Тускуланские беседы», I, 40, 68; Платон, «Федон», 97 E, 108 E.

[30] См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 19; «О природе богов», II, 39, 47; Платон, «Тимей», 40 В.

[31] Смещение двух концепций: 1) пифагорейцев и Платона – о человеческом теле как о «тюрьме»; 2) прагматической – о долге человека и гражданина. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 74; «О старости», 72, 77.

[32] Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 57.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ КНИГ

1. Если кому дано в небожителей веси подняться,
На небо мне одному вход широчайший открыт^[1].

..это верно, Публий Африканский! Ведь также и
для Геракла этот же вход оказался открытым
(Лактанций, «Instit. div.», I, 18, 11).

2. Для Фанния трудная задача – хвалить
мальчика; ведь хвалить приходится не уже
совершенное, а еще ожидаемое (Сервий,
Комментарии к «Энеиде», VI, 875).

3. ...так как его реплика отвлекла нас от самой
цели, ...(Сенека, Письма, 108, 32).

^[1] См. Энний, Эпиграммы, фрагм.

О законах[1]

КНИГА ПЕРВАЯ

(1, 1) *АТТИК*.– Вон ту рощу и этот вот арпинский дуб я узнаю; о роще я не раз читал в «Марии»[2]; если знаменитый дуб сохранился, то это он и есть; ведь он очень стар.

КВИНТ.– Да, дорогой Атик, он сохранился и навсегда сохранится; ведь он был посажен воображением поэта. Ибо ни одному земледельцу, стараниями своими, не посадить дерева на такое долгое время, на какое это возможно сделать стихом.

АТТИК.– Каким же образом, Квинт? Вернее, что именно сеют поэты? Мне кажется, ты, хваля брата, за себя подаешь голос[3].

(2) *КВИНТ*.– Пожалуй, это верно; но все же, пока латинские письма будут говорить, на этом месте всегда будет расти дуб, называемый «Мариевым», и, как говорит Сцевола в «Марии», написанном моим братом,

Много, много веков дуб сохранится седой[4],– конечно, если твои любимые Афины в своей крепости могли навеки сохранить оливу[5], если на Делосе нам еще и теперь показывают ту же высокую и стройную пальму, которую гомеровский Улисс видел там своими глазами, как он говорит[6], и если многое другое, что мы видим во многих местах, благодаря преданию существует дольше, чем это возможно по законам природы. Итак, пусть теперь это и будет тот знаменитый, приносящий желуди дуб, с которого некогда слетел

Бурный, дивный на вид, Юпитером посланный вестник[7].

Но когда непогода и время уничтожат его, в этой местности все же останется дуб, который будут называть «Мариевым».

(3) *АТТИК*.– В этом я и не сомневаюсь, но спрашиваю уже не тебя, Квинт, а самого поэта: твои ли стихи посадили этот дуб или же ты, следуя преданию, только описал то, что произошло с Марием?

МАРК.– Конечно, я отвечу тебе, Атик, но не раньше, чем ты сам ответишь мне. Правда ли, что Ромул, после своей кончины, бродя недалеко от места, где теперь стоит твой дом, сказал Прокулу Юлию[8], что он бог.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 90

и повелел называть его Квирином и воздвигнуть ему храм на этом месте? И верно ли, что в Афинах, опять-таки недалеко от твоего прежнего дома, Аквилон похитил Орифию?[9] Так ведь гласит предание.

(4) *АТТИК*.– К чему ты клонишь, вернее, зачем об этом спрашиваешь?

МАРК.– С единственной целью – чтобы ты не расспрашивал чересчур

настойчиво о том, что до нас дошло благодаря преданиям.

АТТИК.– Но ведь в «Марии» многое вызывает вопрос, вымышлен ли оно или действительно произошло, а некоторые люди – так как это относится к недавнему прошлому и к уроженцу

Арпина – хотят узнать правду именно от тебя.

МАРК.– Да и я, клянусь Геркулесом, не хочу прослыть лжецом. Однако кое-кто, мой дорогой Тит, поступает неразумно; это те, кто в том вопросе требует истины от меня не как от лозта, а как от свидетеля, и я не сомневаюсь, что эти же люди верят в то, что Нума беседовал с Эгерией[10], а орел надел на Тарквиния головной убор фламина[11].

(5) *КВИНТ.*– Как я вижу, брат мой, по твоему мнению, в историческом повествовании следует соблюдать одни законы, в поэзии – другие.

МАРК.– Разумеется, Квинт! Ведь в первом все направлено на то, чтобы сообщить правду, во второй большая часть – на то, чтобы доставить людям удовольствие. Впрочем, и Геродот, отец истории, и Феопомп[12] приводят бесчисленное множество сказаний.

(II) *АТТИК.*– Вот случай, какого я желал; не упущу его.

МАРК.– Какой случай, Тит?

АТТИК.– Тебя уже давно просят, вернее, от тебя требуют исторического повествования; ведь люди думают, что, если таким повествованием займешься ты, то мы также и в этом отношении нисколько не уступим Греции. А дабы ты знал мое личное мнение, я скажу, что это твой долг не только перед теми, кто занимается литературой и получает удовольствие от этого, но также и перед отечеством, чтобы оно, спасенное тобой[13], тобой же было и возвеличено. Ведь в нашей литературе нет исторических повествований, как я и сам знаю, и от тебя весьма часто слышал. Ты же, конечно, можешь преуспеть в этом, так как (и ты сам склонен так думать) это труд, более всех других подходящий для оратора[14].

(6) Поэтому приступи, пожалуйста, к делу и выбери время для такого сочинения о событиях, донныне либо неизвестных нашим соотечественникам, либо оставленных ими без внимания. Ибо, если – после летописей верховных понтификов[15], самых приятных книг, какие только могут быть, – обратиться к Фабию[16], или к тому человеку, о котором ты всегда упоминаешь, – к Катону[17], или к Писону[18], или к Фаннию[19],

или к Веннонию[20] (хотя среди них один отличается большей, другой – меньшей силой изложения), то кто может быть скучнее всех этих людей? Правда, Целий Антипатр[21], современник Фанния, писал немного живее; именно он, хотя и от-

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 91

личался грубой силой и необработанным языком и был лишен блеска и искусства, все же мог подвигнуть остальных *ina* то, чтобы они писали тщательнее. Но вот ему на смену пришли Геллий[22], Клодий и Аселлион[23]; у них лет ничего общего с Целием, скорее есть нечто общее с бесцветностью изложения и неловкостью писателей старшего поколения. (7) Ибо зачем мне упоминать о Макре?[24] Он, при своей многоречивости, правда, отличается некоторым остроумием, но все же заимствует его не из ученого изобилия греков, а у жалких латинских переписчиков. Но его друг Сисенна[25], вводя в речах многое, вполне подходящее для латинского языка, несомненно,

превзошел всех писателей, живших до нашего времени,— за исключением, пожалуй, тех, которые еще ничего не выпустили в свет; судить о них мы не можем[26]. Однако в вашем кругу Сисенну никогда не считали оратором, и историю свою он излагал как-то по-ребячески, так что он, из всех греческих писателей читавший, по-видимому, одного лишь Клитарха[27], а кроме него не читавший никого, одному ему и хочет подражать; однако, если бы он и смог с «ним сравняться, ему все же было бы далеко до совершенства. Итак, вот твоя задача; она возложена на тебя,— Конечно если Квинт не другого мнения.

(III, 8) *КВИНТ*.— Отнюдь нет, и мы уже не раз об этом говорили, но между нами существует небольшое разногласие.

АТТИК.— Какое же?

КВИНТ.— Насчет времени, с какого следует начать изложение. По моему мнению — с самых отдаленных времен, потому что они описаны так, что этого даже и прочесть нельзя; но Марк предпочитает рассказ о современных ему событиях, дабы иметь возможность охватить те из них, в каких он участвовал сам.

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[\[1\]](#) О законах. Участники диалога

1. Марк Туллий Цицерон.

2. Квинт Туллий Цицерон, младший брат оратора, родился в 103 или 102 г. и воспитывался вместе со старшим братом, вместе с которым в молодости совершил поездку в Грецию, где они слушали философов и риторов. Он был эдилом в 65 г. и претором в 62 г., затем в течение трех лет пропретором в провинции Азии. В 56 г. Квинт Цицерон был легатом Помпея, ведавшего снабжением Италии хлебом, в 54 г.— легатом Цезаря и отличился в галльской войне; в 51 г. был легатом брата Марка во время его проконсульства в Киликии. Во время гражданской войны Квинт Цицерон, как и брат Марк, был на стороне сената, но после поражения Помпея под Фарсалом покорился Цезарю. После убийства Цезаря Квинт Цицерон встал на сторону сената и был убит в 43 г., по воле триумвиров. Квинт Цицерон был женат на Помпонии, сестре Тита Помпония Аттика.

До нас дошли письма Марка Цицерона к брату Квинту и большое письмо Квинта к Марку, известное под названием «Краткое наставление по соисканию консульства», написанное в 64 г., когда Марк Цицерон выставил свою кандидатуру в консулы; кроме того, до нас дошли фрагмент поэмы и две эпиграммы Квинта Цицерона.

3. Тит Помпоний Аттик (109–32), близкий друг Цицерона, богатый римский всадник, эпикуреец. Он не занимал магистратур и по многу лет жил вне Рима — в Афинах (в связи с этим он и получил прозвание «Аттик») и в своих поместьях в Эпире и в Италии. Аттик давал крупные денежные ссуды городским общинам Греции. Если судить по письмам Цицерона, советовавшегося с Аттиком во многих случаях, когда ему предстояло принять важное для него решение, то Аттик обладал большим политическим опытом и пользовался влиянием.

Аттик интересовался литературой и искусством и устроил у себя «издательство»: многочисленные рабы переписывали и размножали (на продажу) сочинения

античных авторов, в том числе и произведения Цицерона. До нас дошли 16 «книг» – писем Цицерона к Аттику, являющиеся весьма важным историческим источником и памятником эпистолярной литературы. Возможно, что Атик принимал участие в подборе писем Цицерона для выпуска их в свет уже после смерти оратора. Письма Аттика к Цицерону до нас не дошли.

[2] Написанная Цицероном в молодости поэма о Гае Марии (см. «О государстве», прим. 29 к кн. 1). Марий родился в Арпине в 159 г., Цицерон – в 106 г. Арпин получил права римского гражданства в 188 г. См. Цицерон, «Письма в Аттику», II, 15; 3 (43).

[3] Квинт Цицерон занимался поэзией и писал трагедии. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 10; «Письма к Квинту», III, 4, 4 (151); 5, 7, (153); 9, 6 (157).

[4] Скорее всего имеется в виду *Квинт Муций Сцевола Авгур*, консул, 117 г., участник диалога «О государстве». Возможно, Сцевола был одним из персонажей поэмы.

[5] По мифу, между Афиной и Посейдоном возник спор насчет имени, которое должно было быть дано городу. Афина ударила в землю Акрополя копьем, после чего на этом месте выросла олива; Посейдон ударил в землю своим трезубцем, и из земли вышел конь; боги решили спор в пользу Афины, и город был назван Афинами.

[6] Гомер, «Одиссея», VI, 162 слл.

[7] См. Цицерон, «О предвидении», I, 106 слл. Стих из «Мария», Речь идет об орле, полет которого по направлению к востоку считался благоприятным знамением. См. «О государстве», прим. 11 к кн. II.

[8] Ср. Цицерон, «О государстве», II, 20.

[9] См. Платон, «Федр», 229 В. По мифу, *Орифия* была дочерью афинского царя Эрехфея.

[10] См. Цицерон, «О государстве», II, 25 слл.; Ливии, I, 21.

[11] См. Ливии, I, 34. О фламбах см. «О государстве», прим. 44 к кн. II.

[12] *Феопомп Хиосский* (род. в 380 г.) написал историю современной ему Греции. См. Цицерон, «Брут», 66.

[13] Имеется в виду подавление движения Катилины, что Цицерон всегда ставил себе в заслугу.

[14] См. Цицерон, «Об ораторе», II, 62; «Оратор». 66.

[15] Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 52.

[16] *Фабий Никто* (260–190) – один из первых анналистов, довел историю Рима до второй пунической войны.

[17] Имеется в виду *Марк Порций Катон Старший*. Ср. Цицерон, «О государстве», I, 1; II, 2.

[18] *Луций Кальпурний Писан Фруги* – консул 133 г., анналист. См. Цицерон, «Брут», 106.

[19] *Гай Фанний Страбон*, зять Гая Лелия младшего, анналист.

[20] *Венноний* упоминается только здесь и в письме Цицерона к Аттику, XII, 3, 1. (616).

[21] *Луций Целий Антипатр* написал историю второй пунической войны. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 54.

[22] Дионисий Галикарнасский упоминает о двух *Геллиях*, Сексте и Гнее, чьими трудами он пользовался.

[23] *Клодий Квадригарий* и *Публий Семпроний Аселлион* были анналистами; последний написал историю нумантинской войны. См. Авл Геллий, II, 13, 1; V, 18, 8.

[24] *Гай Лициний Мокр* – трибун 73 г., анналист. См. Цицерон, «Брут», 238.

[25] *Луций Корнелий Сисенна* – претор 78 г., легат Помпея в 67 г., написал историю гражданской войны, доведя ее до смерти Суллы. «Речи» – речи, которые

автор приписывает историческим лицам. См. Цицерон, «Брут», 228, 259.

[26] Возможно, намек на Цезаря, писавшего в 52 г. свои записки о галльской войне, или на Луция Лукция; см. Цицерон, «Письма к близким», V, 12 (112).

[27] *Клитарх* – историк, биограф Александра Македонского, сопровождавший царя во время его похода на Восток. См. Цицерон, «Письма к близким», II, 10, 3 (225).

КНИГА ВТОРАЯ

(I, 1) *АТТИК*.– Так как мы уже достаточно прогулялись, а тебе, в своей беседе, следует приступить к рассмотрению другого вопроса, то не согласишься ли ты перейти на другое место и сидя продолжать речь на острове, лежащем на Фибрене? Ведь так, если не ошибаюсь, называется другая река?^[1]

МАРК.– Да, конечно. Я там бываю очень охотно, размышляя и занимаясь писанием или чтением.

(2) *АТТИК*.– Я, со своей стороны, именно теперь придя сюда, наглядеться не могу на это место, а к великолепным усадьбам, мраморным полам и штучным потолкам^[2] испытываю презрение. Что же касается прорытых каналов, которым некоторые дают названия «Нилов» и «Еврипов»^[3], то кто не посмеется над ними, видя эту вот картину? И вот, подобно тому, как ты ранее, рассуждая о законе и праве, все относил к природе, так именно во всем том, что требуется для отдохновения души и для развлечения, господствует природа. Ведь раньше я удивлялся (в этой местности, думал я, нет ничего, кроме «скал и гор», и на такие мысли меня наводили твои речи и стихи^[4]), повторяю, удивлялся тому, что это место доставляет тебе такое удовольствие. Но теперь я, напротив, удивляюсь, что ты, уезжая из Рима, можешь предпочесть пребывание где-либо еще.

(3) *МАРК*.– Да, всякий раз, когда я могу покинуть Рим хотя бы на несколько дней, особенно в это время года, меня привлекает красота этой здоровой местности; однако это мне удается редко. Но меня, конечно, радует и другое обстоятельство, не имеющее значения для тебя, Тит!

АТТИК.– Какое же?

МАРК.– Именно здесь, сказать правду, настоящая моя родина и моего брата. Здесь мы появились на свет как отпрыски древнейшего рода; здесь

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 110

наши святыни, отсюда ведет начало наш род, здесь сохранилось много воспоминаний о наших предках. Чего тебе еще? Ты видишь эту усадьбу в ее нынешнем состоянии; она со вкусом отстроена трудами нашего отца. Будучи слаб здоровьем, он чуть ли не всю свою жизнь провел в литературных занятиях. И именно в этом месте, когда еще был жив мой дед, а усадьба, по старинному обычаю, была мала (подобно усадьбе Курия^[5] в Сабинской области),– знай это – родился я. И вот, я храню в своем сердце и уме воспоминания, заставляющие меня любить это место, пожалуй, еще сильнее, чем следует, и не без оснований,– если только тот мудрейший муж, увидев Итаку, действительно отказался от бессмертия, как о нем пишут^[6].

(II, 4) *АТТИК*.– Да, я действительно вижу в этом полное основание для того, чтобы ты охотно сюда ездил и любил эту местность. Более того, я сам, сказать правду, только теперь проникся большей любовью к этой усадьбе и ко всей этой местности, откуда ты приходишь и где родился. Ведь нас почему-то волнуют даже места, где сохранились следы о людях, вызывающих в нас чувство любви

или восхищение. Меня самого мои любимые Афины радуют не столько своими великолепными зданиями и изумительными произведениями древнего искусства, сколько воспоминаниями о великих мужах – о том, где тот или иной из них жил, где он восседал, где вел беседы[7], и я смотрю с благоговением даже на их гробницы. Поэтому место, где родился ты, я буду отныне любить еще больше.

МАРК.– Вот почему я и рад, что показал тебе свою, можно сказать колыбель[8].

(5) *АТТИК.*– И я, со своей стороны, очень рад, что увидел ее. Но что хотел ты оказать, заявив недавно, что эта местность, то есть Арпин (насколько я понял тебя),– ваша настоящая родина? Да разве у вас две родины? Или же одна – общая для всех родина? Если только для мудрого Катона[9] родиной был не Рим, а Тускул.

МАРК.– Да, клянусь Геркулесам, и у него, и у всех членов муниципиев, по моему мнению, две родины: одна по рождению, другая по гражданству– подобно тому, как знаменитый Катон, хотя и родился в Тускуле, был принят в городскую общину римского народа и, тускуланин по происхождению, по своей гражданской принадлежности был римлянином, и у него была одна родина по местности, другая по праву; подобно тому, как ваши жители Аттики – до того, как Тесей повелел им всем переселиться с полей и отправиться в так называемый «град»[10],– были и гражданами своего дома и аттическими, так и мы называем родиной и ту местность, где мы родились, и ту, которая нас приняла. Но по чувству привязанности, какое она в нас вызывает, должна стоять на первом месте та родина, благодаря которой название «государство» охватывает всю нашу гражданскую общину. За нее мы должны быть готовы умереть, ей полностью себя отдать, в нее вложить и ей как бы посвятить все свое достояние. Но родина,

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 111

которая нас произвела на свет, нам не менее дорога, чем та, которая нас приняла. Поэтому никогда не откажу я первой в названии родины, даже если вторая будет более обширной, а первая будет только входить как часть в ее состав; [разумеется, при условии, что всякий человек, независимо от места своего рождения,] будет участвовать в делах государства и считать это государство единым.

(III, 6) *АТТИК.*– Следовательно, наш знаменитый Великий в моем присутствии, вместе с тобой выступая в защиту Ампия[11], справедливо заявил в суде, что у нашего государства имеются все основания выразить свою благодарность этому муниципию, так как в нем родились два спасителя Рима[12]; вот почему я прихожу к заключению, что и та местность, которая произвела тебя на свет,– твоя родина.

Но мы пришли на остров. Не знаю более приятного места. И право, здесь Фибрен рассекается как бы корабельным тараном; разделившись на две равные части, он омывает обе стороны острова и, быстро расступившись, вскоре сливается вновь и охватывает лишь столько суши, сколько ее хватило

бы для небольшой палестры[13]. Совершив это, Фибрен – как будто вся его задача и обязанность были в том, чтобы создать для нас место для беседы, – тотчас же впадает в Лирис и, словно войдя в патрицианскую ветвь рода[14], теряет свое малоизвестное имя и делает воды Лириса гораздо более студеными. Право, я не видел реки холоднее, чем эта, хотя и побывал на берегах многих рек, и я едва могу ступить в нее, как Сократ делает в «Федре» Платона[15].

(7) *МАРК.* – Так оно и есть. Но все же, как я часто слышу от Квинта, твой Тиам в Эпире, по своей прелести, нисколько не уступает этой реке.

КВИНТ. – Это так и есть. Поэтому и не думай, что может найтись что-либо, превосходящее Амальтей нашего Аттика и знаменитые платаны[16]. Но, если хотите, сядем здесь в тени и продолжим беседу в той ее части, от которой мы отклонились.

МАРК. – Твое предложение, Квинт, превосходно, – а я-то думал, что избавился от этого, – но перед тобой остаться в долгу не возможно.

КВИНТ. – Начни же; ведь мы предоставляем в твое распоряжение весь этот день.

МАРК. – «Музы с Юпитера песнь начинают». Так начал я свой перевод стихов Арата[17].

КВИНТ. – Почему ты об этом упоминаешь?

МАРК. – Потому что и ныне мы должны начинать обсуждение с упоминания о Юпитере и о других бессмертных богах.

КВИНТ. – Превосходно, брат мой! Так и подобает поступать. (IV, 8)

МАРК. – Итак, прежде чем обратиться к отдельным законам, рассмотрим снова смысл и сущность закона вообще, дабы нас, коль скоро мы должны все относить к закону, обмолвка порою не привела к ошибке

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 112

и дабы мы не истолковали ложно смысла того названия, которым нам придется определять права.

КВИНТ. – Совершенно верно, клянусь Геркулесом! Это правильный путь изложения.

МАРК. – Итак, мудрейшие люди, вижу я, полагали, что закон и не был придуман человеком, и не представляет собой какого-то постановления народов, но он – нечто извечное, правящее всем миром благодаря мудрости своих повелений и запретов. И вот, – говорили они, – этот первый и последний закон есть мысль божества, разумом своим ведающего всеми делами, принуждая или запрещаая. Ввиду этого, закон, данный богами человеческому раду, был справедливо прославлен: ведь это – разум и мысль мудреца, способные и приказывать, и удерживать.

(9) *КВИНТ.* – Этого положения ты касался уже не раз. Но прежде чем перейти к законам народов, разьясни нам, пожалуйста, смысл этого небесного закона, дабы волны привычки нас не увлекли и не принесли к приемам обыденной речи.

МАРК. – Ведь мы, Квинт, научились еще в детстве положение: «Если зовут в суд, ...»[18] – и другие в таком же роде называть законами. Но следует понять, что и это, и другие повеления и запреты народов не имеют силы призывать к честным поступкам и отвлекать от других, а сила эта не

только древнее, чем народы и гражданские общины, но и ровесница божеству, ведающему и правящему небом и землей.

(10) Ведь и божественного замысла не может быть без разума, и божественный разум не может не обладать этой силой в определении честных и дурных поступков. И именно потому, что нигде не было написано, что один человек должен противостоять на мосту всему войску врагов и приказать разрушить этот мост у себя в тылу, мы и должны признать, что знаменитый Гораций Коклит совершил свой великий подвиг по закону и велению мужества[19]; и если в царствование Луция Тарквиния в Риме не было писаного закона об оскорблении чести, то это вовсе не значит, что Секст Тарквиний не преступил извечного закона, учинив насилие над Лукрецией, дочерью Триципитина[20]. Ведь этот извечный закон был разумом, происшедшим из природы, побуждающим к честным делам и отвращающим от преступления, разумом, который начинает быть законом не только тогда, когда он уже записан, но уже и тогда, когда он возник. А возник он одновременно с божественной мыслью. Поэтому истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум всевышнего Юпитера[21].

(V, 11) *КВИНТ.*– Я с тобой согласен, брат мой, в том, что все правильное и истинное вечно, причем оно и не возникает, и не исчезает вместе с записями постановлений.

МАРК.– Итак, если божественная мысль есть высший закон, то, когда человек обладает совершенным разумом, разум этот [проявляется] в мыслях

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 113

мудреца Но те разнообразные законы, которые, применительно к обстоятельствам, были составлены для народов, называются законами скорее в виде уступки, чем потому, что это действительно так. В пользу того, что всякий закон, который можно по справедливости назвать законом, заслуживает хвалы, некоторые приводят следующие доказательства: твердо установлено, что законы были придуманы ради блага граждан, целостности государств и спокойной и счастливой жизни людей и что те люди, которые впервые приняли постановления такого рода, объявили народам, что напишут и предложат такие постановления, одобрив и приняв которые, народы будут жить в почете и счастье. И те постановления, которые были так составлены и приняты, они, по-видимому, и назвали законами. Из этого следует заключить, что те люди, которые составили для народов постановления пагубные и несправедливые, нарушив свои обещания и заявления, провели все что угодно, но только не законы, так что, истолковывая само название «закон» [lex], можно понять, что в нем содержится смысл и значение выбора [legere] справедливого и истинного начала.

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] Ср. Цицерон, «Письма к брату Квинту», III, 1, 1 (145). *Фибрин*, приток реки Лирис, делился на два

рукава, один из которых протекал вблизи от усадьбы Цицерона.

[2] Ср. Гораций, Оды, II, 18, 1 сл.

[3] *Еврит* – пролив между островом Евбеей и материком; в течение суток в нем несколько раз менялось направление течения. Богатые римляне проводили в своих усадьбах каналы.

[4] Ср. Цицерон, «Речь в защиту Пландия», 20 и 22; «Письма к Аттику», II, 11, 2.

[5] *Маний Курий Дентат* был консулом в 290, 284, 275 и 274 гг. Ср. Цицерон, «О государстве», III, 6 и 40; «О старости», 55.

[6] Одиссей. См. Гомер, «Одиссея», I, 55; V, 135. Ср. Цицерон, «Об ораторе», I, 196.

[7] Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», V, 4. Римские законы не допускали двойного гражданства; поэтому Атик не принял предложенного ему афинского гражданства. См. Цицерон, речи: «По делу Цецины», 100; «В защиту Бальба», 28; Корнелий Непот, «Атик», 3.

[8] См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 15, 13 (42).

[9] Имеется в виду *Марк Порций Катон Цензорий* (234–149). Ср. Цицерон, «Речь в защиту Пландия», 20. См. «О государстве», прим. 36 к кн. I.

[10] Согласно мифу, царь *Тесей* объединил городские общины Аттики и переселил их в Афины. См. Фукидид, II, 15; Плутарх, «Тесей», 24.

[11] «*Великий*» (*Magnus*) – прозвание Гнея Помпея. *Тит Амтий Бальб* – трибун 63 г., претор 58 г., во время гражданской войны сторонник сената и Помпея. О его процессе сведений нет. См. Цицерон письма: «К Аттику», VIII, 11, 2 (327); «К близким», II, 16, 3 (390); VI, 12 (489).

[12] Родом из Арпина были Гай Марий, победитель кимвров и тевтонов (102–101 гг.), и Цицерон, «спасший Рим» подавлением движения Катилины. См. Цицерон, речи: «В защиту Суллы», 26, 33, 83; «В защиту Гая Рабририя» (63 г.), 27 слл.; «К квиритам после возвращения из изгнания», 19 сл.; «О доме», 92, 132; «В защиту Сестия», 50; «Против Писона», 43; «Письма к Аттику», IX, 10, 3 (364).

[13] *Палестра* (*греч.*) – место для гимнастических упражнений, имевшее помещения для переодевания и отдыха; на палестрах философы вели занятия с учениками.

[14] При усыновлении (адопция, адрогация) усыновляемый получал личное и родовое имя усыновителя. Здесь шутка.

[15] См. Платон, «Федр», 230 В.

[16] Атик владел в Эпире, на реке Тиаме, имением, где он устроил «Амальтей», храм нимфы Амальтей. См. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 13, 1 (19); 16, 15 слл. (22).

[17] См. Цицерон, «О государстве», I, 22, 56, прим. 63 и 131.

[18] Цитата из закона Двенадцати Таблиц: «Если человека зовут в суд, он должен идти; если не пойдет, надо призвать свидетелей, а затем взять его силой». Имеется в виду процедура *in iure*; см. прим. 43 к кн. I.

[19] Эпизод на свайном мосту через Тибр (*pons Sublucius*) во время войны с этрусками (508 г.). См. Ливии, II, 10.

[20] См. Цицерон, «О государстве», II, 46. По традиции, это послужило поводом к восстанию и изгнанию царей (510 г.).

[21] Ср. Платон, «Законы», I, 631.

КНИГА ТРЕТЬЯ

(I, 1) *МАРК.*– Итак, я буду, как и предполагал, следовать мыслям мужа, вдохновленного богами, которого я, глубоко перед ним преклоняясь, прославляю, пожалуй, чаще, чем следовало бы.

АТТИК.– Ты, по-видимому, говоришь о Платоне.

МАРК.– Именно о нем, Аттік!

АТТИК.– Нет, прославления твои никогда не будут ни чрезмерными, ни чересчур частыми. Ибо даже мои единомышленники, желающие, чтобы прославляли только их учителя[1], позволяют мне чтить Платона, как я захочу.

МАРК.– И они, клянусь Геркулесом, поступают правильно. И в самом деле, что более достойно твоего утонченного ума? Ты, по моему мнению, и в жизни, и в своей речи достиг столь трудно дающегося сочетания достоинства и благожелательности.

АТТИК.– Я очень рад, что прервал тебя, так как ты превосходно высказал свое мнение обо мне. Но продолжай, как начал.

МАРК.– Итак, сначала приведем самый закон и укажем его подлинные и свойственные ему достоинства.

АТТИК.– Конечно; так же, как ты поступил, говоря о законе относительно религии.

(2) *МАРК.*– Итак, назначение магистрата, как вы видите, в том, чтобы руководить и отдавать распоряжения правильные, полезные и закономерные. Ибо, подобно тому, как магистратами руководят законы, так народом руководят магистраты, и можно с полным основанием сказать, что магистрат – это закон говорящий, а закон – это безмолвный магистрат. (3) Далее, ничто так не соответствует праву и естественному порядку (говоря это, я хочу, чтобы подразумевалось, что я говорю о законе), как империй[2], без

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 134

которого не могут держаться ни дом, ни гражданская община, ни народ, ни человечество в целом, ни вся природа, ни сама вселенная. Ибо и вселенная повинуетя божеству, и ему покорны и моря, и суша, и жизнь людей подчиняется велениям высшего закона[3].

(II, 4) Наконец,– перейду к событиям более близким и более известным нам – все древние племена некогда повиновались царям[4]. Этот вид империя вначале предоставлялся справедливейшим и мудрейшим людям (такой порядок был в полной силе и в нашем государстве, пока им правила царская власть), а затем передавался по порядку их потомкам. Такое положение и поныне остается у народов, которыми правят цари. А те народы, которым царская власть была негодна, отказались не от повиновения кому бы то ни было, но от повиновения всегда одному и тому же человеку. Мы же, коль скоро мы преподаем законы свободным народам и ранее изложили в шести книгах свои мысли о наилучшем государственном устройстве[5], в настоящее время согласуем законы с тем государственным строем, который мы одобряем.

(5) Итак, надо, чтобы существовали магистраты[6]; ведь без их мудрости и усердия гражданская община существовать не может, и распределением полномочий между ними поддерживается весь государственный строй. При этом должна быть установлена не только для магистратов мера их власти, но и для граждан мера их повиновения. Ведь и тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиняться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать[7]. Поэтому надо, чтобы тот, кто подчиняется, надеялся на то, что он со временем станет повелевать, а тот, кто повелевает, думал о том, что ему вскоре придется подчиняться. И мы – как это делает Харонд в своих законах[8] – даже предписываем гражданам не только покоряться и повиноваться магистратам, но также и уважать и любить их. Что же касается Платона, то он к потомкам титанов относит тех людей, которые – подобно тому, как титаны восстали против небожителей[9], восстают против своих магистратов. После этих замечаний перейдем теперь к самим законам, если вы согласны на это.

АТТИК.– И с этим, и с предложенным тобою порядком обсуждения я согласен.

(III, 6) *МАРК.*– «Империй да будет законным; граждане да подчиняются империи покорно и беспрекословно. Магистраты да карают неповинующегося им дурного гражданина пеней, наложением оков, розгами[10],– если ни носитель равной или большей власти[11], ни народ, к которому должна быть совершена провокация[12], этому не воспротивятся.

После того, как магистрат произнесет приговор или наложит пеню, решение относительно пели или кары да вынесет народ. В походе[13] да не будет провокации на решение того, кто будет облечен империем,

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 135

и все, что повелит тот, кто будет вести войну, да будет законным и обязательным.

Младших магистратов с меньшими правами да будет больше – для исполнения разных обязанностей[14]. В походе да повелевают они теми, кем им будет приказано повелевать, и да будут при них трибуны[15]; в Городе да охраняют они государственные деньги[16], следят за целостью оков, наложенных на виновных, и совершают смертную казнь[17]; от имени государства бьют медную, серебряную и золотую монету[18]; разбирают возникающие тяжбы и приводят в исполнение все постановления сената[19].

(7) Эдилы да будут управителями Города, попечителями о продовольствии и торжественных играх и да будет это для них первой ступенью к более высоким почетным должностям[20].

Цензоры да исчисляют народ по возрастам и составляют списки потомства, челяди и имущества; да ведают они городскими храмами, дорогами, водопроводами, эрарием[21], поступлением дани; да распределяют они народ по трибам, делят население по имуществу, возрастам и сословиям, назначают юношество в конницу и пехоту, запрещают оставаться безбрачными, надзирают за нравами

народа, не оставляют в сенате опозорившихся людей. Да будет их двое и да будут они магистратами в течение пяти лет[22]. Остальные магистраты да обладают годовыми полномочиями, и власть их да будет в силе в течение Всего этого срока.

(8) Должностным лицом, разбирающим вопросы права и творящим суд или приказывающим творить суд по частным делам, да будет претор; да будет он охранителем гражданского права. Да будет у него столько коллег с равной властью, сколько постановит сенат или повелит народ[23].

Царским империей да будут облечены двое и да называются они – от слов «идти впереди» [praeire], «судить» [iudicare], «советовать» [consulere] – преторами, судьями, консулами[24]. В походе да обладают они высшими правами и да не подчиняются они никому. Высшим законом да будет для них благо народа.

(9) Да не берет никто на себя одной и той же магистратуры до истечения десятилетнего срока. Да принимаются во внимание лета в соответствии с законом о возрасте[25].

Но когда будет тяжкая война или жестокие распри между гражданами, то да обладает один человек в течение шести месяцев, не более, – если постановит сенат – правами обоих консулов и да будет он, назначенный при полете птицы слева[26], главой народа. И да будет при нем начальник конницы, равноправный со всяким, кто будет ведать правосудием. Других магистратов да не будет[27].

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 136

Но когда не окажется ни консулов, ни главы народа, авспиции да будут в ведении «отцов» и да изберут они из своей среды одного, который сможет надлежащим образом провести в комициях выборы консулов[28].

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] Эпикур. Ср. Лукреций, V, 8; Цицерон, «О государстве», IV, 5.

[2] См. Цицерон, «О государстве», прим. 17 к кн. I.

[3] Точка зрения стоиков. Ср. I, 23.

[4] Ср. Цицерон, «О государстве», I, 36; Аристотель, «Политика», I, 1; Помпеи Трог Эпитома (Юстин), I, 1.

[5] Диалог «О государстве», вышедший в свет в 54 г.

[6] См. Платон, «Законы», VI, 751 A.

[7] См. Платон, «Законы», VI, 762, E.

[8] См. выше, I, 22; II, 14; Харонд. Пролог, 9 (Стобей, IV, 2, 24).

[9] По мифу, *титаны* – сыновья Урана и Геи, восставшие против Зевса, попытавшиеся подняться на Олимп и низвергнутые в Тартар. См. Платон, «Законы», III, 701 C.

[10] Изданный в 198 г. *Порциев закон* (Lex Porcia de tergo civium) запрещал подвергать римских граждан порке. Известно еще два Порциева закона о неприкосновенности личности римского гражданина (195 и 105 гг.). Ср. Цицерон, «О государстве», II, 54; «Речь против Верреса», (II) V, 162 слл.

[11] Интерцессия – осуществляемое личным вмешательством магистрата наложение запрета на распоряжение или предложение его коллеги или низшего магистрата; в частности, совершаемое плебейским трибуном наложение запрета на указ

магистрата, законопроект или постановление сената. См. Цицерон, «Письма к близким», VIII, 8, 4 сл. (222).

[12] См. «О государстве», прим. 143 к кн. I.

[13] Речь идет об *Imperium militiae*, т.е. за пределами померия, сакральной городской черты Рима. См. Цицерон, «О государстве», прим. 17 к кн. I.

[14] Старшие магистраты (цензор, консул, претор) избирались центуриатскими комициями и совершали «величайшие» авспиции с участием авгура. Остальные («младшие») магистраты, избравшиеся трибутскими комициями, совершали «малые» авспиции, возможно, без участия авгура. См. Цицерон, «О государстве», II, 26 и прим. 11; Авл Геллий, XIII, 15, 4.

[15] О военных трибунах см. «О государстве», прим. 7 к кн. VI.

[16] Квесторы, вначале обладавшие судебной властью и ведавшие уголовными делами, впоследствии они стали ведавшими финансами в Риме, где они управляли эрарием (см. ниже, прим. 22), и в провинциях. При Сулле было 20 квесторов; Цезарь в 44 г. назначил 40.

[17] *Tresviri capitales (nocturni)*.

[18] *Tresviri aere argento auro flando feriundo*.

[19] *Decemviri stlitibus diiudicandis*.

[20] *Эдилы*, избравшиеся трибами (а не центуриями), ведали общественными зданиями, снабжением Рима продовольствием, устройством общественных игр и поддержанием порядка. Эдилитет был первой курульной (старшей) магистратурой. См. «О государстве», прим. 54 к кн. I.

[21] *Эрарий* – государственное казначейство; он находился в храме Сатурна.

[22] Цензура была учреждена в 443 г. Власть цензоров была значительно ограничена Суллой.

[23] В городе Риме в историческую эпоху *преторы* обладали судебной властью, председательствуя в постоянных судах по уголовным делам (*quaestiones perpetuae*); городской претор (*praetor urbanus*) ведал гражданскими делами; претор по делам чужеземцев (*praetor peregrinus*) ведал тяжбами между чужеземцами и тяжбами между ними и римскими гражданами. О преторском эдикте см. прим. 41 к кн. I.

[24] Согласно традиции, в первые годы республики преторы, командовавшие войском, исполняли обязанности, впоследствии перешедшие к консулам. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 165.

[25] См. «О государстве», прим. 54 к кн. I.

[26] Т. е. с востока, если стать лицом к югу; это считалось хорошим знаком. См. Эн-ний, «Анналы», фр. 95 сл. Уормингтон; Цицерон, «О предвидении», I, 107 слл.

[27] От упоминаемой здесь диктатуры, назначавшейся на срок не более шести месяцев при наличии особой опасности для государства и слагаемой по миновании ее, отличаются диктатура Суллы, установленная в 82 г. без ограничения срока, и диктатура Цезаря (48–44 гг., *dictator perpetuus*).

[28] Интеррекс; см. «О государстве», II, 26, прим. 41. В 52 г. интеррекс Сервий Сульпиций провел избрание Помпея в консулы без коллеги. См. Асконий, «Введение к речи Цицерона в защиту Милона», 3 и 10.

ФРАГМЕНТЫ

Книга I

Как вселенная, ввиду общности природы всех своих составных частей, держится и зиждется на их взаимном соответствии, так все люди, объединенные природой, враждуют между собой вследствие злонравия своего и не понимают, что они родственны по крови и находятся под одной и той же защитой. Если бы люди это соблюдали, они вели бы поистине жизнь божественную (Лактанций, *Instit. div.*, V, 8, 10).

Книга V

Так как солнце, по-видимому, лишь немного склонилось за полдень, а эти молодые деревья еще не дают достаточной тени в этом месте, то не

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 150

спуститься ли нам к реке Лирис и не обсудить ли нам то, что еще остается рассмотреть, под тенью вон тех ольховых деревьев? (Макробий, «Сатурналии», VI, 4, 8).

Неизвестная книга

И порадуемся за себя, так как смерть принесет нам состояние, либо лучшее, чем то, в каком мы находимся при жизни, либо, во всяком случае, не худшее; ведь когда, при отсутствии тела, дух сохраняет свою силу, то это жизнь божественная, а при отсутствии ощущений, конечно, ничего дурного больше быть не может (Лактанций, *Instit. div.*, III, 19, 2).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ ЦИЦЕРОНА («О государстве» и «О законах»)^[1]

Цицерон широко известен как знаменитый оратор, – его имя даже стало нарицательным, – значительно менее он известен как политический деятель и почти вовсе неизвестен как философ. Такое распределение «аспектов» его славы не случайно. Как представитель ораторского искусства и римской литературы, он прочно и на века вошел в историю мировой культуры; как политический деятель он имел отношение к такой эпохе и событиям, которые ныне интересуют лишь историков (и то далеко не всех!) и, наконец, как философ он едва ли может считаться крупным и самостоятельным мыслителем, сказавшим в этой области какое-то новое слово. И тем не менее его философские произведения – в особенности те, которые отобраны для настоящего издания, – представляют большой интерес.

Они представляют интерес, прежде всего, как идеологический памятник, отражающий политические воззрения и теории, имевшие распространение в определенных кругах римского общества и оказавшие длительное воздействие на развитие этой идеологии, включая эпоху торжества христианской церкви. Кроме того, трактаты Цицерона «О государстве» и «О законах» крайне ценны как памятник исторический, сохранивший многие важные сведения и подробности, главным образом относительно государственного устройства римской республики. И, наконец, названные трактаты Цицерона важны и интересны еще тем, что они дают нам представление о ряде греческих философских трудов эллинистической эпохи, которые до нас не дошли, но на которые Цицерон неоднократно опирается в своем изложении.

В начале своей карьеры Цицерон интересовался философией лишь постольку, поскольку видел в ней одну из основ ораторского образования. Он начал заниматься философией еще в молодые годы, сначала в Риме, где слушал эпикурейца Федра, академика Филона и стоика Диодота. В 79 г.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 154

он совершает с образовательной целью поездку в Грецию. В Афинах он посещает чтения эпикурейца Зенона Сидонокского и академика Антиоха Аскалонского. На Родосе состоялось его знакомство с крупным представителем стоической школы – Посидонием, с которым он продолжал поддерживать отношения и в дальнейшем.

Общефилософские воззрения Цицерона отличались эклектизмом. Его основными источниками были представители новых (эллинистических) философских школ. Хотя он часто ссылается на Платона и уверяет, что следует ему, на самом же деле глубокого знакомства и понимания философской системы Платона он не обнаруживает. В теории познания он скорее всего придерживается взглядов, характерных для последователей новой Академии («пробабилизм»), в

вопросах этики он примыкает то к стоикам, то к перипатетикам.

Безусловной заслугой Цицерона следует считать живое, ясное и доступное изложение философских доктрин, а также введение большого количества философских терминов в латинский язык. В одном из писем своему другу Аттику он так характеризовал свою работу в этой области: «Что касается латинского языка – не беспокойся. Ты спросишь: как ты пишешь такие сочинения?– Это – «копии»: они создаются с меньшим трудом: я только доставляю слова, которыми располагаю в изобилии» (Цицерон, «Письма к Аттику», XII, 52, 3; Плутарх, «Цицерон», 40). И поэтому, хотя изложение его философских трактатов не отличалось систематичностью, хотя он мог спутать – и неоднократно путал на самом деле – академиков с перипатетиками, хотя он не высказывал новых, глубоких и оригинальных взглядов, тем не менее Цицерон сумел своими трактатами достичь другой, и не менее важной цели – пробудить в римском обществе интерес к философии, которая с этого времени становится существенным и даже необходимым звеном в системе римского образования.

Философские произведения Цицерона написаны в поздний период его деятельности. Они относятся к тому времени, когда Цицерон – отнюдь не по собственному желанию, но волей обстоятельств – был исключен из активной политической жизни. Это происходило дважды: в годы господства так называемого первого триумvirата (60–51 гг.) и диктатуры Цезаря (48–44 гг.). Интересующие нас диалоги «О государстве» и «О законах» написаны в первый из этих вынужденных перерывов, а именно между 54 и 51 гг. Так как политическая ситуация этих лет, несомненно, оказала большое влияние на умонастроение Цицерона, на его позиции в развернувшейся борьбе и, в конечном счете, на выбор темы и ее трактовку, то необходимо, хотя бы в общих чертах, обрисовать обстановку, сложившуюся в Риме в 60–51 гг.

Как известно, в 60 г. возник так называемый первый триумvirат, т. е. союз трех крупных военных и политических деятелей Рима – Помпея, Крас-

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 155

са, Цезаря. Этот союз, хоть он и представлял собою негласное соглашение, в первые же месяцы своего существования превратился в руководящую силу римского государства. Трех названных деятелей заставили объединиться их личные цели и интересы, которые во многом были различны, но в одном безусловно совпадали – в своей антисенатской направленности. Недаром ярый сторонник сенатской олигархии Катон-младший говорил о том, что для римского государства (т. е. опять-таки для «сенатской республики») не так страшна борьба политических группировок и их главарей или даже гражданская война, как объединение этих сил, союз между ними (Плутарх, «Помпей», 47; «Цезарь», 13).

Первым осязательным результатом деятельности триумvirата было избрание Цезаря в консулы на 59

г. Он же, в свою очередь, постарался полностью реализовать обязательства, принятые им по отношению к своим коллегам. Через народное собрание был проведен *lex Iulia de actis Pompeii*, согласно которому утверждались все распоряжения Помпея на Востоке (т. е. во время его войны с Митридатом, а также в результате походов в Закавказье и Сирию), которые долгое время не имели силы из-за противодействия сената (Дион Кассий, 36, 7; Плутарх, «Лукулл», 42; «Помпей», 48; Аппиан, «Гражданские войны», II, 13). Также, минуя сенат, Цезарь провел через народное собрание *lex Iulia de publicanis*, в результате чего была снижена на одну треть откупная сумма налогов в провинции Азии – вопрос, с которым публиканы уже обращались в сенат, но безуспешно. (Цицерон, «Письма к Аттику», II, 16, 2; Дион Кассий, XXXVIII, 7; Светоний, «Юлий», 20.) Это было сделано, несомненно, в угоду Крассу, отстаивавшему интересы римского всадничества. И, наконец, сам Цезарь после своего консульства получил (*lex Vatinia de provincia Caesaris*) в управление Цисальпинскую Галлию вместе с Иллириком, сроком на пять лет и с правом набора трех легионов^[2]. Вскоре к этим провинциям была присоединена еще и Нарбонская Галлия (с правом набора дополнительного легиона).

В октябре 59 г. в плебейские трибуны (опять-таки при содействии Цезаря) был избран Публий Клодий. Это – один из последних крупных деятелей римской демократии и, кстати сказать, заклятый враг Цицерона. В числе первых законопроектов, проведенных во время его трибуната, фигурировал закон, направленный против тех магистратов, которые были повинны в казни римских граждан, совершенной без суда (Дион Кассий, XXXVIII, 14; Веллей Патеркул, II, 45). Всем было ясно, что в данном случае имелся в виду Цицерон и его расправа со сторонниками Катилины, учиненная при подавлении заговора.

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 156

Цицерон после опубликования законопроекта вел себя отнюдь не героически. Он облачился в траур и униженно просил консула Писона и Помпея о защите. Помпею он даже бросился в ноги. Так как все эти попытки не имели успеха, то, по свидетельству Аппиана, Цицерон, одетый в бедную и грязную одежду, не постеснялся прямо на улицах Рима останавливать прохожих, ища у них сочувствия и поддержки (Аппиан, «Гражданские войны», II, 15; Плутарх, «Цицерон», 30).

Римские всадники и часть сенаторов также облачились в траур. Была отправлена особая депутация к консулам. Она, однако, подверглась нападению вооруженного отряда Клодия, консулы отказались поддержать Цицерона, а когда, наконец, и сам Катон посоветовал ему добровольно уехать из Рима, то Цицерон понял, что игра проиграна и еще до принятия закона Клодия покинул Рим и отправился в Грецию. Дом его в Риме был разрушен, усадьбы разграблены, значительная часть имущества конфискована.

Чтобы превратить добровольное изгнание Цицерона в акт, имеющий юридическую силу,

Клодий добился принятия еще одного закона, уже открыто направленного против Цицерона (*lex Clodia de exilio Ciceronis*). Закон этот подчеркивал, что именно Цицерон должен подпасть под более ранний и сформулированный в более общем виде закон.

Под страхом смертной казни запрещалось предоставлять убежище изгнаннику (если он окажется на расстоянии менее 500 миль от Рима) и запрещалось когда-либо в будущем ставить вопрос о пересмотре или отмене данного закона (Цицерон, «Письма к Аттику», III, 23, 2–4; «Речь в сенате после возвращения из изгнания», 4, 8; «Речь о доме», 26, 68; 27, 70).

Но последнее положение закона оказалось чрезмерным, а потому и нереальным. Цицерон пробыл в изгнании неполных полтора года. За это время обстановка в Риме изменилась. В противовес

Клодию сенатскими кругами был выдвинут плебейский трибун 57 г. Милон, по примеру Клодия организовавший вооруженные отряды из своих сторонников. Его начал поддерживать Помпей, который в этот период сблизился с сенатом. Поэтому, не без участия Помпея, через народное собрание было проведено решение о возвращении Цицерона в Рим. В августе 57 г. Цицерон высадился в Брундисии, и его путь до Рима, куда он прибыл в начале сентября, превратился в триумфальное шествие. В Риме он выступил с благодарственными речами перед сенатом и перед народом. Казалось бы, такие события, как ослабление позиций Клодия, сближение Помпея с сенатом, возвращение Цицерона в Рим, свидетельствовали об укреплении влияния сенатских кругов, а следовательно, и о возможности для Цицерона снова принимать участие в политической жизни Рима. Однако ближайшие события показали всю иллюзорность его надежд.

Весной 56 г. в г. Луке (северная Этрурия) произошло свидание триумвиров. О значении, каким фактически пользовалось это неофициальное пра-

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 157

вительство, свидетельствует тот факт, что в Луку прибыло 200 сенаторов, а 120 ликторов сопровождало съехавшихся сюда должностных лиц (Плутарх, «Помпей», 51; «Цезарь», 21; Аппиан, II, 17). Свидание в Луке укрепило союз (между Крассом и Помпеем уже начались было трения); кроме того, был принят ряд важных решений. Цезарю, который благодаря своим громким победам в войне с галлами стал наиболее популярной фигурой среди триумвиров, было решено продлить полномочия по управлению Галлией еще на пять лет, с правом довести армию до десяти легионов.

Что касается Помпея и Красса, то было обусловлено, что они получают консульство на 55 г., а затем управление (на пятилетний срок) провинциями Испанией (Помпей) и Сирией (Красс). По возвращении в Рим Помпей и Красс, несмотря на сопротивление сенатских кругов, провели эти решения через народное собрание.

В свое консульство Помпей закончил постройку первого в Риме театра; открытие его было отмечено великолепными играми. По окончании срока

консульства Помпеи не уехал в Испанию, а остался в Риме, управляя провинцией через своих легатов. Крассе, наоборот, еще в конце 55 г. отправился в Сирию, где он, стремясь подновить свою военную репутацию, померкшую после успехов Помпея, а, в последнее время и Цезаря, начал, войну с парфянами. В первый год войны военные действия шли для римлян удачно, но вскоре положение изменилось, и в 53 г., углубившись в Месопотамию, войско Красса потерпело сокрушительное поражение (битва при Каррах). Во время переговоров с предводителями вражеских сил Крассе был убит.

Смерть Красса дала толчок к распаду первого триумvirата. Отношения между Помпеем и Цезарем начали осложняться. В Риме возникли беспорядки; на выборных собраниях происходили вооруженные столкновения между отрядами Клодия и отрядами Милона. Все четыре кандидата на консульство 53 г. были обвинены в предвыборных подкупах и вплоть до июля государство оставалось без высших магистратов. По свидетельству Аппиана, Помпеи через своих агентов намеренно поддерживал беспорядки и анархию, чтобы возникла необходимость назначить диктатора (Аппиан, II, 20; ср. Плутарх, «Помпеи», 54).

В 52 г, положение стало еще более напряженным. Год снова начался без магистратов. В стычке на Аппиевой дороге людьми Милона был убит Клодий. Его похороны происходили на форуме и вылились в грандиозную манифестацию. В этом же году началось общегалльское восстание, и Цезарь со своим войском на некоторое время оказался в затруднительном положении.

Все эти события лишь обостряли борьбу между сторонниками Цезаря и сторонниками Помпея в самом Риме. Происходили народные сходки, собрания, стычки, нередко кончавшиеся кровопролитием. Сенат был деморализо-

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 158

ван и почел за благо обратить свои взоры к Помпею. Когда на одном из заседаний сената обсуждался вопрос о диктатуре, то Бибул – давний враг Цезаря – предложил избрать Помпея консулом без коллеги (*sine collega*). Это была смягченная и компромиссная форма диктатуры, и сенат охотно пошел на это предложение (Плутарх, «Помпеи», 54; Аппиан, II, 23). Помпеи немедленно вступил в должность, что, конечно, еще более обострило его отношения с Цезарем и приблизило окончательный разрыв между бывшими триумвирами.

В этой напряженной обстановке и борьбе положение Цицерона было довольно двусмысленным. Вернувшись в Рим в значительной мере по милости Помпея, он волей-неволей был вынужден лавировать между сенатом и триумвирами. События 53–52 гг. – слабость сената, неудачная попытка защитить Милона на суде по поводу убийства Клодия, рост противоречий между Помпеем и Цезарем – все это еще более ослабляло его собственные позиции, еще в большей степени лишало его возможности занять независимое и самостоятельное положение. Именно в эти годы он говорит о том, что «государства нет», а «Помпеи

всесилен», свою же политическую карьеру считает разбитой. Мажет быть, он именно поэтому довольно охотно принимает назначение проконсулом в Киликию, где он пробыл с середины 51 г. и до конца 50 г. (Плутарх, «Цицерон», 36).

Как уже говорилось, философские трактаты Цицерона «О государстве» и «О законах» были написаны в этот период. Трактат «О государстве» был начат Цицероном в 54 г. и опубликован, видимо, в 51 г., незадолго до его отъезда в Киликию.

Трактат «О законах», служащий как бы естественным продолжением первого труда, – Цицерон в данном случае, несомненно, подражал Платону, который, как известно, дополнил свою «Политику» (очерк идеального государства) специальным и написанным с более «практических» позиций трудом «Законы», – был начат вслед за диалогом «О государстве», т. е. 52 г., но, по всем признакам, не был окончен. И хотя Цицерон в 46 г., как это явствует из его письма к Варрону, снова собирался приняться за изучение подобных вопросов (Цицерон, «Письма к близким», IX, 2, 5), трактат «О законах» так и остался не доведенным до конца и не обработанным. Во всяком случае, Цицерон сам его не публиковал: перечисляя в одном из более поздних произведений свои философские работы, он об этом трактате даже не упоминает (Цицерон, «О предвидении», II, 1).

* * *

Трактат Цицерона «О государстве» до начала прошлого столетия был известен только по упоминаниям о нем у других авторов и по отдельным цитатам, приводимым этими авторами, если не считать большого отрывка, которым заканчивался трактат в целом, – так называемого «Сновидения

Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М., Наука. 1966. – С. 159

Сципиона», сохраненного нам Макробием, грамматиком V в. н. э., написавшим к нему комментарий.

В эпоху Возрождения ценители и поклонники античности, начиная с Петрарки, разыскивали это сочинение Цицерона во всех книгохранилищах Европы и ездили с этой целью даже в Польшу, но все эти попытки долгое время оставались безрезультатными. Только в начале XIX в. ученый кардинал Анджело Май, префект Ватиканской библиотеки, нашел палимпсест, (т. е. рукопись на пергамене, с которого был стерт первоначальный текст и написан новый). Этот палимпсест содержал значительную часть первой и второй «книг» трактата, а также и отрывки из третьей, четвертой и пятой книг; из текста шестой книги палимпсест не сохранил ни одного отрывка В 1822 г. Май издал рукопись, включив в нее фрагменты и цитаты, приводимые древними авторами, и снабдив издание своими комментариями; последующие издания были выпущены в 1828 и 1846 гг.

Сочинение Цицерона «О государстве» пользовалось довольно широкой известностью у современников. Так, например, один из корреспондентов Цицерона – Марк Целий Руф писал ему в Киликию в середине 51 г.: «Твои книги о государстве высоко ценятся всеми» (Цицерон,

«Письма к близким», VIII, 1, 4). Но еще более популярным трактат становится в последующее время; этим и объясняется большое число ссылок на него и цитат, сохранившихся в сочинениях древних авторов, начиная с Сенеки и Плиния Старшего.

Интересно отметить, что многие положения трактата охотно использовались так называемыми «отцами церкви», т. е. христианскими писателями – Амвросием (IV в.), Иеронимом (IV–V вв.), а в особенности Лактанцием (IV в.) и автором знаменитого в средние века труда «О граде божьем» (*De civitate Dei*) – Аврелием Августином (354–430гг.). Последние два из упомянутых христианских писателей не только цитируют Цицерона, но и нередко в значительных отрывках пересказывают отдельные места и рассуждения из трактата.

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#) | [Следующий](#)

[1] Общую оценку Цицерона как оратора, политического деятеля и писателя, а также биографические данные см.: История римской литературы, т. 1. М., 1959, изд. АН СССР, стр. 178–233; И. М. Тройский, История римской литературы. Л., 1947, стр. 327–339; Марк Туллий Цицерон, Речи, т. 1. М., 1962, изд. АН СССР, стр. 365–385, вступительная статья М. Е. Грабарь-Пассек. Издание подготовили В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек.

[2] См.: Цезарь, «Галльская война», I, 10; I, 21; Цицерон, «Речь против Ватиния», 15, 35; «Речь о консульских провинциях», 15, 36; Дион Кассий, XXXVIII, 8; Плутарх, «Помпеи», 48; «Цезарь», 14; «Катон мл.», 33; Аппиан, «Гражданские войны», II, 33; Светоний, «Юлий», 22.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Г – «О государстве»; З – «О законах». Римская цифра означает книгу, арабская – параграф. Хронологические даты – до н. э.

- Аборигены Г II, 5
Авентин (холм в Риме) Г II, 33, 58, 63
Аврелий Котта, Луций, консул 65 г., цензор 64 г.
З III, 45
Агала см. Сервилий Агала
Агригент (Аирагант) Г III, 45
Азия Малая Г, II, 9; III, 41; VI, 11
Академия Новая З I, 39
Академия Старая З I, 38, 53 слл.
Аквиллий, Маний, консул 129 г., Г I, 14
Аквилон (*греч.* Борей) З I, 3
Акрагант см. Агригент
Аксинский понт Г III, 15
Акций, Луций, трагический поэт, З II, 54
Альба Лонга, город Г II, 4
Альгид, гора Г II, 63
Александр Великий (356–323) Г III, 15; З II, 41
Амальфей З II, 7
Ампий Бальб, Тит, плебейский трибун 63 г., З II,
6
Амфиарай З II, 33
Амулий, царь Г II, 4
Анаксагор, философ (500–428) Г I, 25
Анаксимен, философ Г I, 57
Анио, река З II, 56
Анк Марций, царь Г II, 5, 33, 35, 38
Антиох Аскалонский, философ З I, 54
Антипатр см. Целий Антипатр
Апис Г III, 14
Аппий см. Клавдий, Аппий
Аполлон Г II, 44; З I, 14
Апулеевы законы З II, 14
Апулей Сатурнин, Луций, плебейский трибун 100
г. З II, 14; III, 20, 26
Арат (315–240), Г I, 22, 56; З II, 7
Ареопаг Г I, 43
Аристодем, актер Г IV, 13
Аристон Хиосский философ-стоик З I, 38,
Аристотель (384–322) З I, 38, 55; III, 14
Аристофан (444–380) З II, 37
Аркесилай из Питаны, философ (315–240) З I, 39
Арпин, город З I, 1, 4; II, 5
Архимед (287–212) Г I, 21, 22, 28
Архит из Тарента Г I, 16, 59, 60
Аселлион см. Семпролий Аселлион Атерний Вар,
Авл, консул 454 г. Г II, 60
Атилий, Авл, консул 269, 266 гг. Г I, 1
Атилий Калатин, Авл, консул 258, 254 диктатор
249 гг. З II, 28
Атлантический океан Г VI, 21
Аттий Навий, авгур Г II, 36; З II, 33
Аттик см. Помпоний Аттик Аттика Г III, 42; З II,
5
Афины Г I, 5, 25, 43, 44, 47, 68, II, 2, 59; III, 14, 15,
25, 33, 44, 45; IV, 13; З I, 2, 3, 42; 53; II, 4, 28, 36, 40,
41, 63, 67; III, 26
Афон, гора Г III, фр. 5

Африка Г II, 9; VI, 9; фр. 8
Африканский см. Корнелий Сципион Ахиллес Г I, 30
Ацилий, Луций, юрист 3 II, 59
Благочестие, божество 3 II, 19, 28
Брут см. Юний Брут
Брут, Децим, консул 138 г. 3 II, 54; III, 20
Бусирис, царь Г III, 15
Вакханалии 3 II, 37
Валерий Попликола (Публикола), Публий, консул 509 г. Г II, 53, 55; 3 II, 58 218
Валерий Потит, Луций, консул 449 г. Г II, 54
Валерий Флакк, Луций, интеррекс 82 г. 31, 42
Великая Греция Г III, 7
Велия, холм в Риме Г II, 53
Венера (планета) I VI, 17
Венноний, историк 3 I, 6
Вергилий, Децим или Луций Г II, 53
Верность, божество 3 II, 19, 28
Веста 3 II 28
Весталки Г II, 26; III, 17; 3 II, 20, 28 Вика Пота, божество 3 II, 28 Вокониев закон Г III, 17 Вольски Г III, 7
Габиниев закон 3 III, 35
Галл см. Сульпиций Галл
Гальба см. Сервилий Гальба
Ганг, река Г VI, 21
Гелен 3 II, 33
Геллий Попликола, Луций, консул 72 г., цензор 70 г. 3 I, 53
Геракл см. Геркулес Гераклид Понтийский 3 III, 14
Геркулес Г фр. 3; 3 II, 19, 24, 27
Геродот Галикарнасский (490–428) 3 I, 5
Гипербол Г IV, 11
Гносс см. Кносс
Гомер Г I, 56; II, 18, 19; IV, 5; VI, 10; 31,2
Гораций Барбат, Марк, консул 449 г., Г II, 54
Гораций Коклит, 3 II, 10
Горячка, божество, 3 II, 28
Гостилий Манцин, Гай, консул 137 г., Г III, 28
Гостилий см. Тулл Гостилий
Гракхи, 3 III, 24. См. Семпроний Гракх Гратидий, Марк (Гай?) 3 III, 36
Греция, греки Г I, 5, 12, 30, 34, 36, 58; II, 8, 9, 10, 21, 34, 37, 47, 49, 58; III, 8, 14, 15, 43, 3; IV, 3, 4, 6; V 3; VI, 11, 16; 3 I, 5, 7, 19, 27, 53, 58; II, 21, 26, 28, 32, 37, 38, 39, 62; III, 13, 46,47
Греция Великая, Г III, 7
Делос, остров, 3 I, 2
Дельфы Г II, 44; 3 I, 58
Демарат Г II, 34
Деметрий Фалерский (350–280) Г II, 2; 311,64,66, III, 14
Дерзость, божество 3 II, 28
Диагонд 3 II, 37
Дикеарх Мессанский 3 III, 4
Диоген Селевкийский, стоик 3 III, 13
Дион, стоик 3 III, 13
Дионисий Старший, сиракузский тиранн (405–367) Г I, 28; III, 43
Доблесть, божество Г I, 21; 3 II, 19, 2P
Долопы, племя в Фессалии Г II, 28
Дорида Г II, 8
Дракон, афинский законодатель Г II, 2

Дуелий (Дуилий), Гай (или Марк), консул 260 г. Г
I, 1
Евдокс Книдский (ок. 390–337) Г I, 22
Евмолпяды 3 II, 35
Еврип 3 II, 2
Египет, египтяне Г III, 14, 15; VI, 11
Залевк 3 I, 57; II, 14, 15
Здоровье, божество 3 II, 28
Зенон (336–264) 3 I, 38, 53
Зет Г I, 30
Злая Судьба, божество 3 II, 28
Иакх (Дионис) 3 II, 35
Идейская Матерь (Кибела) 3 II, 22, 40
Инд, река Г II, 67
Итака, остров 3 II, 3
Италия Г II, 9, 10, 28, 29; III, 7; 3 II, 42; III, 45
Ифигения Г I, 30
Кавказ Г VI, 21
Калатин см. Аत्याй Калатин
Кальпурний Писон Фруги, Луций 3 I, 6
Камилл см. Фурий Камилл Г I, 6
Канулеев плебисцит Г II, 63
Капитолий Г 11,36,44; VI, 11
Карбон см. Папирий Карбон
Карнеад из Кирены (ок. 213–129) Г III, 8, 9; 3 I, 39
Карфаген, карфагеняне Г I, 1, фр. 3; II,
9, 43, 67; III, 7, фр. 3, 15; VI, 11
Кассиев закон см. Кассий Лонгин Равилла,
Луций, плебейский трибун 137 г. 3 III, 35, 36, 37
Кассий Вецеллин, Спурий Г II, 49, 57, 60
Катадупа, пороги на Ниле Г VI, 19
Катон см. Порций Катон Кастор 3 II, 19
Квинкций Цинциннат, Луций, консул 460 г.,
диктатор 458 г. Г II, 63
Квинт см. Туллий Цицерон, Квинт Квирин,
божество Г II, 20; 3 I, 3; II, 19
Квиринал, холм в Риме Г II, 11, 20
Квириты Г I, 27
Кекропс 3 II, 63, 64
Керамик 3 II, 64
Кибела см. Идейская Матерь Киликия и
киликяне 3 II, 33, 41
Килон 3 II, 28
Кипсел, тиранн Коринфа, 650 г. Г II, 34
Кир Великий Г I, 43, 44; 3 II, 56
Клавдий Марцелл, Гай, претор 80 г., 3 II, 32
Клавдий Марцелл, Марк, консул 166 и 165 гг. Г I,
21
Клавдий Марцелл, Марк, консул 222 г. и сл. Г I,
1; V, 10
Клавдий Пульхр, Аппий, консул 54 г. 3 II, 32
Клавдий Пульхр, Аппий, консул 143 г., цензор
137 г. Г I, 31
Клавдий Пульхр, Гай 3 III, 42
Клавдий Пульхр, Гай Г VI, 2 Клавдий (Клодий)
Пульхр, Публий 3 II, 42; III, 21, 25
Клеон, афинский государственный деятель (427–
422) Г IV, 11
Клеофон, афинянин (410–404) Г IV, 11
Клиний Критский, 3 I, 15
Клисфен, ок. 500 г. 141, 2; 3 II, 41
Клитарх Колофонский 3 I, 7
Клодий, римский историк 3 I, 6
Кннд, полуостров в М. Азии Г I, 22
Кносс, город 3 I, 15

Коклит см. Гораций Коклит
Коллатин см. Тарквиний Конлагин
Коллинские ворота в Риме 3 II, 58
Коминий Арунк, Постум, консул ок. 496 г. Г II, 57
Конг см. Юний Конг Конлатин
см. Тарквиний
Конлатин Консуалии, празднество Г II, 12
Коринф, коринфяне Г II, 7, 8, 34, 36
Корнелиев род 3 II, 56, 57
Корнелий Сисенна, Луций, ок. 120–67 гг.,
историк 3, I, 7; II, 54
Корнелий Сулла, Луций (138–78), консул 88 г.,
диктатор 82–79 гг. 3 II, 56; III, 22
Корнелий Сципион Африканский Старший
Публий (235(?)–181), консул 205, 194 гг., цензор 199
г. Г I, 1, 27; VI, 10, 15, 17, 20 26. фр. 6; 3 II, 57
Корнелий Сципион Африканский Младший
Эмилиан, Публий (184–129), консул 147, 134 гг.,
цензор 142 г. Г passim; 3 I, 20, 27; 11, 23; III, 12, 37, 38
Корнелий Сципион Кальв, Гней, консул 222 г. Г I,
1; IV, 11
Корнелий Сципион Насика Серапион, Публий Г I,
6; 3 III, 20
Корнелий Сципион, Публий, консул 218 г. II, 1;
IV, 11
Корунканий, Тиберий, консул 288 г. 3 II, 52
Котта см. Аврелий Котта
Красе см. Лициний Красе
Крит, критяне Г II, 2; III, 15; 3 I, 15; II, 28
Кротон, город Г II, 28
Ксенократ из Халкедона, ок. 396–314 Г I, 3; 3 I,
38, 55
Ксенофонт (ок. 430–354) 3 II, 56
Ксеркс, царь, 485–465 гг. Г III, 14; 3 II, 26
Куриаций, Гай 3 III, 20
Курий Дентат, Маний, консул 290, 284, 275 гг. Г
III, 6, 40; 3 I, 3
Куры, город Г II, 25; 3 II, 3
Лакедемон, лакедемоняне (Спарта) Г I, 25, 50; II,
2, 15, 24, 42, 43, 50, 58; III, 15; IV, 3, 4; 3 I, 15; II, 39;
III, 16
Лаконяне Г V, 11
Лар Г V, 7; 3 II, 19, 27, 42, 55
Ларций, Тит. консул 506, 498 гг. Г II, 56
Лаций, латиняне Г I, 14, 31; II, 33, 44; III, 7, 41;
VI, 12; 3 I, 1, 7
Лелий Гай, консул 140 г., участник диалога «О
государстве» Г I, 18, 19, 20, 30, 31, 33, 35, 37, 38, 46,
53, 54, 56, 59, 61, 70; II, 21, 33, 37, 64, 65, 69; III, 5, 8,
32, 42, 44, 45; IV, 4; VI, 2, 8, 12
Ленат см. Попилий Ленат
Либер (Дионис) 3 II, 19
Ливиевы законы 3 II, 14, 31
Ливии Андроник, Луций 3 II, 39
Ликаоняне 3 II, 33
Ликург Г II, 2, 15, 18, 42, 43, 50, 58; III, 16; IV, 5; 3
I, 57
Лирис, река 3 I, 14; II, 6; фр. 3
Лициний Красе, Луций, консул 95 г., оратор 3 III,
42
Лициний Красе Богатый Муциан, Публий, консул
131 г. Г I, 31; III, 17
Лициний Лукулл Понтийский, Луций, консул 74
г. 3 III, 30
Лициний Макр, Гай, плебейский трибун 73 г.,

анналист 3 I, 7
Локры, город Г I, 16; 3 II, 15
Лукреций Триципитин, Спурий, консул 509г. Г II, 46, 55; 311, 10
Лукреция Г II, 46; 3 II, 10
Лукулл см. Лициний Лукулл
Лукумон Г II, 14
Луцеры Г II, 14, 36
Магнезия, город Г II, 9
Майя Фортуна, божество 3 II, 28
Македония Г I, 23
Макр см. Лициний Макр
Максим ом. Фабий Максим
Макций Плавт, Тит (254–184) Г IV, 11
Мамилиев закон 3 I, 55
Манилий, Маний, консул 149 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, 20, 34; II, 28, 29; III, 17; VI, 9
Манлий Капитолии, Марк, консул Г II, 49
Манлий Торкват, Авл, консул 244, 241 гг. 3 II, 55
Манцин см. Гостилий Манцин
Мариев закон 3 III, 38
Марий, Гай, плебейский трибун 119, консул 107 г. я след. Г I, 6; 3 I, 1, 2, 3, 4; II, 56; III, 36
Марс Г II, 4; VI, 17
Марцелл см. Клавдий Марцелл
Марций Фигул, Гай 3 II, 62
Марций Филипп, Луций, консул 91, 3 II, 31
Масинисса, царь, 238–149 гг. Г VI, 9
Массилия Г I, 43, 44
Мегилл 3 I, 15
Меламп 3 II, 33
Мелий, Спурий Г II, 49
Менелай, царь Г V, 11
Меркурий Г VI, 117
Метелл см. Цицилий Метелл
Милет, город I, 22, 25
Мильтиад Г I, 5
Мопс 3 II, 33
Музы 3 II, 7
Муммий, Спурий, участник диалога «О государстве», Г I, 18, 34; III, 46, 47, 48; V, 11
Муций Сцевола, Квинт («авгур»), консул 117 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, 33; 3 I, 13
Муций Сцевола, Квинт («понтифик»), консул 95 г. 3 II, 47, 49, 50, 52
Муций Сцевола, Публий, консул 133 г., юрист Г I, 20, 31; 3 II, 47, 50, 52, 57
Муций Сцевола неизв. 3 I, 1
Навий см. Аттий
Навий Надежда, божество 3 II, 28
Насика см. Корнелий Сципион
Насика Невий, Гней Г IV, 11; 3 II, 39
Нил, река Г VI, 19; 3 II, 2
Неоптолем Г I, 30
Нума Помпилий Г II, 25, 26, 28, 29, 31, 33; III, 47; V, 3; 3 I, 4; II, 23, 29, 56
Нуманция, город Г I, 17; III, 28; VI, 11
Океан см. Атлантический океан
Олимп, гора Г I, 56; III, фр. 5
Олимпиада, Г II, 18, 20, 28, 42
Опимий, Луций, консул 121 г. Г I, 6
Оне, божество 3 II, 28
Орифия 3 I, 3
Оскорбление, божество 3 II, 28

Павел Македонский см. Эмилий
Павел Пакувий, Марк Г I, 30; III, 14
Палатин, Палаций, холм 3 II, 28
Панэтий Родосский, философ (ок. 180–110 гг.) Г I, 15, 34; 3 III, 14
Папирий Карбон, Гай, 3 III, 35
Папирий Карбон, Гней 3 III, 42
Папирий, Луций, цензор 430 г. Г II, 60
Папирий, Публий, консул 430 г. Г II, 60
Пелопоннес Г II, 8
Пелопоннесская война Г III, 44
Перворожденная, божество 3 II, 28
Перикл (500–429 гг.) Г I, 25; IV, 11
Персии, Маний Г I, фр. 1
Порсы Г I, 5, 43; III, 7, 14, 15
Пинарий, Публий, цензор 430 г. Г II, 60
Пирей, город Г III, 44
Пирр, царь (318–272 гг.) Г III, 40
Писидяне 3 II, 33
Писон Фруги см. Кальпурний
Писон Питтак 3 II, 66
Пифагор Самосский Г I, 16; II, 28, 29; III, 19; 3 I, 34; II, 26
Пифийский (Аполлон) 3 I, 61; II, 40
Плавт см. Макций Плавт Платон (426–347 гг.) Г I, 16, 22, 29, 65; II, 3, 22, 51; IV, 4, 5; 3 I, 15, 55; II, 6, 14, 16, 38, 41, 45, 67, 69; III, 1, 5, 14, 32
Победа, божество 3 II, 2 II
Полемон, философ (314–276 гг.) 3 I, 38
Полибий, историк (ок. 201–120 гг.) Г I, 34; II, 27; IV, 3
Полиейд 3 II, 33
Поллукс (см. Кастор) 3 II, 19
Помпеи Великий, Гней (106–48 гг.), консул 70, 55, 52 гг. 3 I, 8; II, 6; III, 22, 26
Помпеи, Квинт, консул 141 г. Г 3, 28
Помпоний Атик, Тит (109–32 гг.) 3 passim
Поит, область, в М. Азии 3 III, 14
Попиллиев род 3 II, 55
Попиллий, Гай 3 III, 36
Погаллий Ленат, Публий, консул 132 г. Г 1, 6; 3 111, 26
Попликола см. Валерий Попликола
Порций Катон, Марк (Старший, Цензорий) (234–149 гг.), консул 195 г., цензор 184 г. Г I, 1, 27; II, 1, 3, 37; III, 40, IV, 11; V, 8; 3 I, 6; II, 5
Порций Катон, Марк (Утический) (95–46 гг.) 3 III, 40
Порций Лека, Марк, претор 195 г. Г II, 54
Порций Лека, Публий, плебейский трибун 199 г. Г 11, 54
Постум см. Коминий Постум
Постумий Туберт, Публий, консул 505, 503 гг. 3 II, 58
Прокул см. Юлий Прокул
Публикола см. Валерий Публикола
Пунийцы см. Карфаген
Пуническая война вторая (218–201 гг.) II, 1
Рамны Г II, 36
Рем Г II, 4, 36; 3 I, 8
Рим. римляне Г I, 7, 58; II, 12, 25, 30, 33, 36, 52, 53, 61; III, 33, 44; IV, 12; V, 2 VI, 35, 36; 3 II, 2, 5, 28, 35, 36, 37, 66; III, 30, 37, 48, 49
Родник, божество 3 II, 56
Родосцы Г I, 47; III, 48

Ромул Г I, 25, 5в, 64; II, 4, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 50, 51, 52; 53: III, 47; IV, 24; 3 I, 3, 8; II, 33
Росций Галл, Квинт 3 I, 11
Рутилий Руф, Публий, консул 105 г., участник диалога «О государстве» Г I, 13, 17
Рутулы Г II, 5
Руф см. Рутилий Руф
Руф см. Сульпиций Руф
Сабазий, фригийское божество 3 II, 37
Сабиняне Г II, 12, 13, 14, 25, 36; III, 7, 40; 3 II, 3
Салии, жрецы Марса Г II, 26
Самний, самниты Г III, 7, 40
Самос остров Г VI, 2; 3 II, 41
Сарданапалл Г III, фр. 4
Сатурн, божество Г VI, 17
Сатурнин см. Апулей Сатурнин
Своеволие, божество 3 II, 42
Священная гора Г II, 50, 63
Семпроний Аселлион, историк 3 I, 6
Семпроний Гракх, Гай, плебейский трибун 123 г. 3 III, 20, 24, 26
Семпроний Гракх, Тиберий, цензор 169 г. Г VI, 2
Семпроний Гракх, Тиберий, плебейский трибун 133 г. Г II, 49; III, 41; 3 III, 20, 24
Семпроний Тудитан, Гай, консул 129 г. II, 14
Сервилий Агала, Гай Г I, 6
Сестий, Луций Г II, 61
Сибарис, город Г II, 20
Симонид Кеосский (ок. 556–467 гг.) Г II, 20
Сиракузы, город Г I, 21; III, 43, 45
Сирия Г VI, 11
Сисенна см. Корнелий Сисенна
Сицилия Г II, 9
Скавр см. Эмилий Скавр
Смирна, город Г I, 13
Сократ (469–399 гг.) Г I, 15, 16; II, 3, 22, 51; III, 5; 3 I, 33, 56; II, 6
Солнце, божество Г VI, 9 Солон (639–559 гг.) Г II, 2, 59; 3 I, 57; II, 59, 64
Солы, город 3 II, 41
Спарта см. Лакедемон Спевсипп (ок. 395–334 гг.) 3 I, 38
Стата, божество 3 II, 28
Статор (Юпитер) 3 II, 28
Стоики 3 III, 13, 14
Суесса Помеция, город Г II, 44
Сулла см. Корнелий
Сулла Сульпиций Гальба, Сервий, консул 144 г. 110, 42
Сульпиций Галл, Гай, консул 166 г. Г I, 21, 22, 30
Сульшций Руф, Публий, плебейский трибун 88 г. 3 III, 20
Сцевола см. Муций Сцевола
Тавры, народ Г III, 15
Тарент, тарейтинцы Г I, 16, 59
Тарквинии, город Г II, 34, 37
Тарквиний, Гордый, Луций, царь Г I, 62; II, 20, 46, 51, 52; 3 II, 10
Тарквиний Конлатин, Луций, консул 509 г. Г II, 46; II, 53
Тарквиний Приск, Луций, царь, Г II, 35, 37, 38; 3 I, 4
Тарквиний, Секст 3 II, 10
Тарпей, Спурий, консул 454 г. Г II, 60

Таций, Тит, сабинский царь Г II, 13, 14
Тесей Г II, 2, 3 II, 5
Тиам 3 II, 7
Тибр, река Г II, 4, 33
Тимей Локрийский, философ Г I, 16
Тимей из Тавромения (Сицилия) философ Г III, 43; 311, 15
Тимофей из Милета, философ 3 II, 39
Титаны 3 III, 5
Титиевы законы 3 II, 14, 31
Титий Г II, 36
Туллий, Сервий, царь Г II, 37, 38; III, 47
Торкват см. Манлий Торкват
Трансальпийские народы Г III, 16
Триципитин см. Лукреций
Триципитин Туберон см. Элий Туберон
Туберт см. Постумий
Туберт Тудитан см. Семпроний
Тудитан Тулл Гостилий, царь Г II, 31, 53
Туллий Цицерон, Квинт 3 passim
Туллий Цицерон, Марк 3 passim
Туллий Цицерон, Марк (дед оратора) 3 III, 36
Туекул, город Г I, 1; 3 II, 5; III, 30
Ум, божество 3 II, 19, 28
Улисс (Одиссей) 3 I, 2
Фабий Пиктор, Квинт, анналист 3 I, 6
Фабий Максим Кунктатор, Квинт, консул 223 г. и след. Г I, 1; V, 10
Фабриций Лусцин, Гай, консул 282, 278, 273 гг. Г III, 40; 3 II, 58
Фаларид, тиранн Агригента Г I, 44
Фалер, город 3 II, 64; III, 14
Фалес Милетский (ок. 636–549 гг.) Г I, 22, 25; II, 26
Фанний, Гай, консул 122 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, фр. 2; 3 I, 6
Федр, философ 3 I, 53
«Федр», диалог Платона 3 II, 6
Фемистокл (514–449 гг.) Г I, 5
Феопомп, царь Г II, 58
Феопамп Хиосский 3 I, 5; III, 16
Феофраст Лесбосский 3 I, 38; II, 15; III. 13, 14
Фесей см. Тесей
Фибрен, река 3 II, 1, 6
Фивы, фивяне Г IV, 4; 3 II, 37
Фигул см. Марций Фигул
Фидий, ок. 450 г. Г III, 44
Фил см. Фурий Фил
Филипп см. Марций Филипп
Филипп III, царь Македонии, Г III, 15;:
Филолай Кротонский, философ Г I, 16
Филострат, тиранн в Афинах (ок. 560–528 гг.) Г I, 68
Фламиний, Гай, плебейский трибун 238 г. 3 111,20
Флиунт, город Г II, 8
Формии, город Г I, 61
Фортуна нынешнего дня 3 II, 28
Фортуна Оглядывающаяся назад 3 II, 28.
Фурий Камилл, Марк Г I, 6
Фурий Фил, Луций, консул 136 г., участник диалога «О государстве» Г I, 17, 19,, 20, 21, 34, 37; III, 5, 8
Фракийцы Г II, 9
Фригийцы 3 II, 33

Харонд 3 I, 57; II, 14; III, 5 Хиос, остров 3 I, 55
Хрисипп (280–206 гг.), философ Г III, 12
Целий Антипатр, Луций, ок. 120 г., историк 3 I, 6
Целий Кальд, Гай, консул 94 г. 3 III, 36
Целий, холм в Риме Г II, 33
Церера 3 II, 21, 37
Цецилий Метелл Македонский, Квинт, консул
143 г., цензор 131 г. Г I, 31
Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт, консул
109 г., цензор 102 г. Г I, 6; 3 111,26
Цецилий Метелл, Луций, консул 251 247 гг. Г I, 1
Цецилий Стаций, комический поэт Г IV, 11
Цинциннат см. Квинкций
Цинциннат
Цицерон см. Туллий Цицерон
Честь, божество 3 II, 28, 58
Эбуциев закон
Эгейское море 3 III, 36
Эгерия, нимфа 3 I, 4
Эквы, триба Г II, 36
Элида, элидяне Г IV, 4
Элий Пет Кат, Секст, консул 198 г. Г I, 30; III, 33;
3 II, 59
Элий Стилон, Луций (150–90 гг.), грамматик 3 II,
59
Элий Туберон, Квинт, консул 118 г., участник
диалога «О государстве» Г I, 14, 15, 16, 17, 23, 26,
29, 31; II, 64, 65
Эмилий Павел Македонский, Луций, консул 182,
168 гг. Г I, 14, 23, 31; VI, 14
Эмилий Скавр, Марк, консул 115, 108 гг. 3 111,36
Эмпедокл из Агригента (ок. 494–434 гг.) ПИ, 14
Энианы, народ Г II, 8
Энний, Квинт (ок. 239–169 гг.) Г I, 3, 25,
30, 49, 64; III, 6; V, 1; VI, 10; фо. 4;
3 II, 57, 69 Эпикур (ок. 342–270 гг.) Г VI, 3; 3 I,
39,54
Эпименид из Кнооса 3 II, 28
Эпир 3 II, 7
Эсквилинский холм Г II, 11; 3 II, 28
Эскулапий 3 II, 19
Эсхин (ок. 390–320 гг.), оратор Г IV, 3
Этоляне Г III, 15
Этрурия, этруски Г II, 9, 34, 38; III, 7; 3 111,21
Юлий, Гай, децемвир 450 г. Г II, 61
Юлий Гай (или Луций), консул 430 г. Г II, 60
Юлий Прокул Г II, 20; 3 I, 3
Юний Брут, Луций, консул 509 г. Г II, 46
Юний Конг Гракхан, Марк Г I, фрагм. 1; 3 III, 49
Юнона 3 III, 41
Юпитер Г I, 30, 50, 56; II, 36. 43; VI, 17,3 I, 2; II, 7,
10, 20, 28; III, 43
Юпитер Непобедимый 3 II, 28

[Предыдущий](#) | [Оглавление](#)